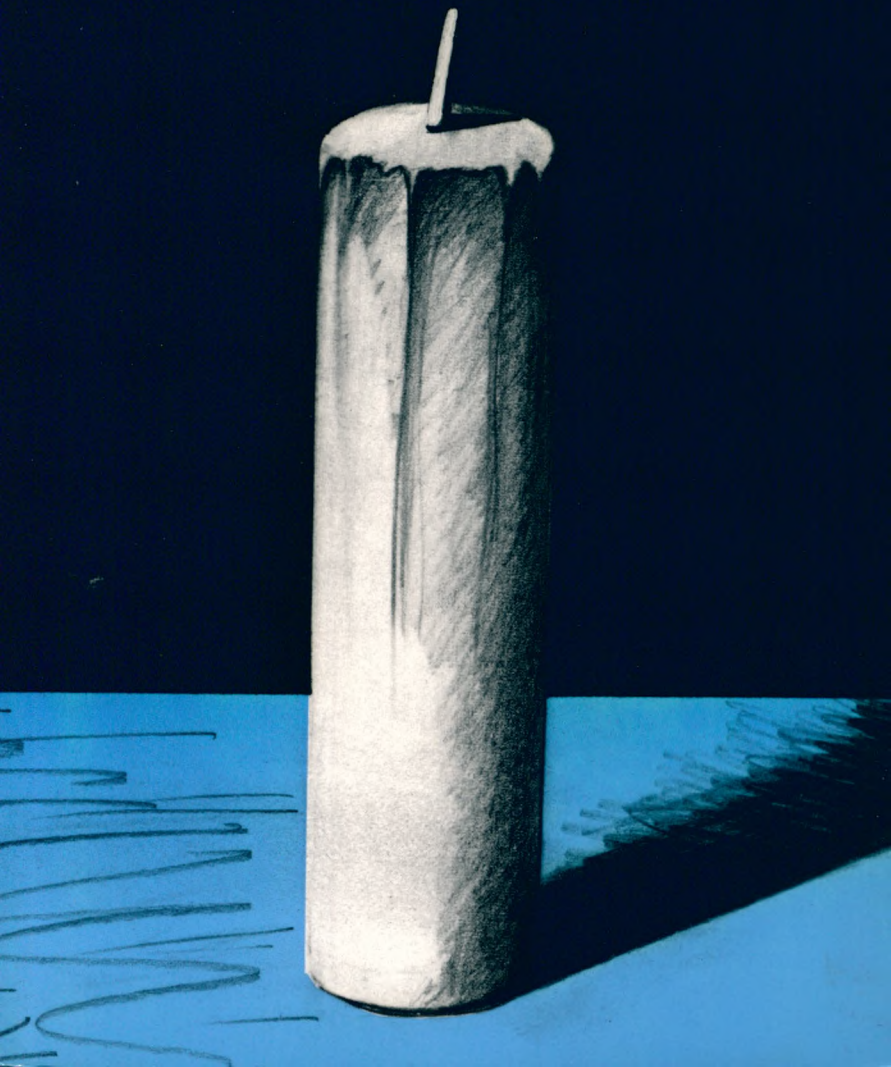
Рута У.

Боже, как ещё хотелось жить



БОЖЕ, КАК ЕЩЕ ХОТЕЛОСЬ ЖИТЬ

Ruta U.

DEAR GOD, I WANTED TO LIVE

TRANSLATED FROM LATVIAN
BY ELKHONON IOFFE

WITH A FOREWORD
BY EVGENII SELGA

Overseas Publications Interchange Ltd
London 1989

Рута У.

БОЖЕ, КАК ЕЩЁ ХОТЕЛОСЬ ЖИТЬ

ПЕРЕВЕЛ С ЛАТЫШСКОГО
ЭЛХОНОН ИОФФЕ

ВСТУПЛЕНИЕ НАПИСАЛ
ЕВГЕНИЙ СЕЛГА

Overseas Publications Interchange Ltd
London 1989

Ruta U.: BOZHE, KAK ESHCHE KHOTELOS' ZHIT'
Translated from Latvian by Elkhonon Ioffe
With a foreword by Evgenii Selga

First Russian edition published in 1989
by Overseas Publications Interchange Ltd
8 Queen Anne's Gardens, London W4 1TU, England

Originally published in Latvian
under the title "Vel ta gribejas dzivot"
(Gramatu Draugs, 1977)

Copyright © Elkhonon Ioffe
Copyright © Russian edition
Overseas Publications Interchange Ltd

All rights reserved

No part of this publication may be reproduced,
in any form or by any means, without permission.

ISBN 1 870128 56 7

Cover design by Andrzej Krauze

Printed in Israel

ПРЕДИСЛОВИЕ

"Боже, как еще хотелось жить" — так редакторы латышского издательства "Грамату Драугс" ("Друг Книги") в Нью-Йорке назвали книгу, изданную на латышском языке по записям четырнадцатилетней латышской девочки из Риги, Руты У., которая со своей мамой, бабушкой и двумя младшими сестричками, двенадцати и девяти лет, 14 июня 1941 года была арестована и сослана в Сибирь вместе с тысячами других латышских семей, так называемых "врагов народа" и "чуждых элементов". Эта первая массовая депортация, за которой последовало несколько других, началась ровно через год после вступления советских войск (по тайному сговору с Гитлером) в Латвию, Литву и Эстонию — три самостоятельных прибалтийских государства — и их насильственного присоединения к Советскому Союзу.

Написанная правдиво и просто, эта документальная повесть-дневник раскрывает драматические события ареста, вывоза по этапу в Сибирь и жизни в Сибири в жестокой борьбе за существование, в холоде, голоде, непосильном труде, болезнях и медленной гибели. Перед читателем возникает образ автора — юной девушки, не по возрасту суровой в своих суждениях о жизни, о судьбе своей семьи, своего народа, местных жителях, и в то же время наивно и по-детски восторженно восхищающейся красотами природы и редкими мгновениями радости.

Книга заканчивается возвращением ее автора — Руты У. — и ее сестер из ссылки в Сибири, где остались могилы бабушки и матери, многих знакомых и соотечественников,

в родную Латвию в конце 1946 года, духовно надломленной, с разрушенным здоровьем и ненавистью к своим коммунистическим мучителям.

В послесловии книги, написанном отцом Руты, излагается дальнейшая трагическая судьба этой многострадальной семьи.

Записи Руты были тайно вывезены американскими друзьями семьи на Запад и тут же стали готовиться к изданию. Но "недремлющий" КГБ, вскрывающий частные письма, узнал об этом и, угрожая репрессиями отцу Руты и оставшейся семье, заставил остановить публикацию книги. Лишь через десять лет господин У. решился дать согласие на ее издание. В 1977 году книга вышла на латышском языке и пережила уже восемь изданий. Она также переведена и издана на английском (США), немецком (ФРГ), испанском (Венесуэла) и португальском (Бразилия).

Евгений СЕЛГА

1941 ГОД

После счастливого, беззаботного детства в моей жизни и в жизни моей семьи открылась новая, написанная кровавыми буквами страница – 1941 год.

Этот год навеки останется в памяти латышского народа, ибо он стал годом уничтожения латышей. Тысячи латышей были насильно отправлены коммунистами по далекому пути истребления в сибирские каторжные лагеря и в тайгу. Пройдя через муки и унижения, многие закончили там свой жизненный путь.

Ничтожная часть сосланных вернулась на родину в 1946 году. Главным образом это были сироты, родители которых не вынесли страданий. Те, кто сумел выжить, в тяжких муках продолжали задыхаться на чужбине. Но и они один за другим уходили в вечность, и мало кто остался в живых.

Это большое, безвинное братство мучеников. Раны пострадавших никогда не заживут.

НАШ АРЕСТ НА РИЖСКОМ ВЗМОРЬЕ

Занималось утро страшного дня, 14 июня 1941 года, мрачное и дождливое. Какая-то тяжесть нависла и придавила всех, как будто заранее предвещая что-то недоброе.

Ночью мы слышали, что автомашины проезжали чаще, чем обычно, но о причинах этой езды мы ничего не знали. После завтрака мы с мамой пошли на базар за покупками. По дороге мы увидели грузовики, увозившие людей с пожитками. Женщины и дети плакали и причитали. Из пансионата

госпожи П. вывели целую группу людей и усадили в грузовик. У некоторых мужчин за спиной были связаны руки. Наверное, они пытались сопротивляться. Кругом царили большое волнение и беспокойство.

Мы встретили нашу тетю К., которая была чрезвычайно взволнована. Она рассказала, что всю прошлую ночь шли аресты. Смутное чувство погнало меня домой. Идя по улице, я увидела ехавший мне навстречу грузовик с чекистами. На крыше шоферской кабины, согнувшись и держа винтовку в боевой готовности, молодой, высокого роста еврей с растрепанными волосами и в распахнутой шинели. Грузовик медленно продвигался по проспекту, приостанавливаясь у домов как бы в поисках нужного номера.

Я очень хотела, чтобы они поскорее проехали мимо нашего дома и кончилась бы эта тяжкая неизвестность.

Но внезапно машина остановилась прямо у наших ворот. Высокий еврей что-то прокричал, и все выскочили из машины.

Мгновение я стояла в такой растерянности, что не могла сдвинуться с места. Жаркая дрожь пробежала по всему моему телу. Очнувшись, я кинулась бежать назад, к маме, которая уже подходила к дому.

Мы вошли в сад, окруженный чекистами. Они спросили, где папа. Не поверив, что его здесь нет, обыскали все углы, надеясь его найти.

Обыскав все без успеха, они приказали нам взять необходимые вещи и приготовиться ехать с ними, но не сказали, куда нас повезут. Их было восемь в охране: один латыш-милиционер, три еврея и четыре монгола.

Милиционер Каугурс отнесся к нам вежливо и сочувственно. Уложили вещи в чемоданы и мешки, продукты – в корзины. Чекисты нас очень торопили и гнали в машину. Усевшись в грузовик, мы увидели, как мимо проехал наш двоюродный брат. Он видел нас и понял, что происходит.

ЛИХОРАДОЧНАЯ СПЕШКА В РИГЕ

Въехав в Ригу, мы увидели, что здесь в еще более усиленном виде происходит эта акция вывоза. Много охраняемых грузовиков, везущих несчастных людей. Нас привезли домой. Там мы нашли бабушку в большом волнении, ибо эти же самые захватчики были у нее ночью – выломали дверь, ворвались в квартиру и устроили обыск в поисках папы.

В лихорадочной спешке паковали вещи, но упаковка толком не поддавалась, ибо, что один укладывал, то другой считал ненужным и выкладывал. Тем временем чекисты рылись в папином письменном столе и читали его письма. Один включил радио, чтобы заглушить наш плач. Я перебежала через улицу к нашей старой нянюшке. Она пришла и жалобно заплакала. Я взяла со своего письменного стола фотографию папы и простилась со своей комнатой.

Уходя из дома, я была полностью уверена, что когда-нибудь, хоть через несколько лет, но все же мы обязательно вернемся в Латвию.

Забравшись снова в машину, мы увидели, как много грустных глаз смотрело на нас из соседних окон. Машина зарокотала – и мы покатили прочь от дома, где родились, выросли и пережили столько прекрасных, незабываемых мгновений. Это был самый тяжелый миг нашей прощальной боли, ибо только теперь мы начали понимать и осмысливать наше положение.

Когда родное место стало удаляться от глаз, сердце больно защемило и слезы затуманили взгляд.

В ОХРАНЯЕМЫХ ЧЕКИСТАМИ ВАГОНАХ

Нас отвезли на Торнякалнскую товарную станцию, но там не приняли, так как вагоны с высылаемыми были уже переполнены. Тогда нас отвезли в Шкиротаву, где высадили из грузовика. Здесь стоял и ждал отъезжающих длинный эшелон с решетками на окнах. Привезенных людей загнали

в вагоны для скота. Нас поместили в один такой вагон в середине эшелона, где мы нашли несколько знакомых, привезенных еще до нас.

В вагоне были построены два ряда широких двухэтажных нар. На каждой стороне по ряду. Нас было более тридцати человек.

Так как лучшие места были уже заняты, мы кое-как расположились на нижних нарах и вещи сложили под ними.

У некоторых было с собой довольно много вещей: большие корзины, чемоданы, мешки. Было очень тесно. Трудно, даже невозможно повернуться. Невыносимо спертый воздух. Кто-то выбил стекло в окошке, тогда стало лучше.

Весь день подвозили арестованных. Нас хотели пересадить в другой вагон. Мы умоляли, чтобы не переводили. Учли, наконец, мольбу и оставили здесь.

Еды нам не выдавали. У кого было продуктов побольше, тот делился с теми, у кого их не было. Мучила страшная жажда, но воды не полагалось.

К великому удивлению, нам вернули отнятые на квартире драгоценности. Вооруженные чекисты охраняли вагоны. Ночью они переходили из вагона в вагон, выкрикивая имена тех, кого еще разыскивали. Имя нашего отца тоже часто называли. В Риге мы простояли всю ночь и следующий день.

Днем стало лить. Струи дождя становились все сильней и сильней, так что вода потекла через щели худой крыши вагона. Те, у кого были зонты, держали их раскрытыми, чтобы не промокнуть. Все время было слышно, как туда и сюда ездили автомашины. Казалось, что Ригу опустошали полностью. Снаружи царила большая суета. Люди ходили, бегали. Некоторые кричали, плакали. Безостановочно рокотали машины.

Ночью бушевала гроза и завывал дождь. Внезапно двери вагона отворились. Чекисты приказали, чтобы все мужчины, имена которых будут названы, через полчаса были готовы к переходу в другой эшелон. Многие стали протестовать, так как у них здесь оставались семьи. Их успокаивали утверждением, что в конце пути все снова встретятся. Сначала все в

это поверили, ибо в тесном, переполненном вагоне мужчинам и женщинам находиться вместе было неудобно. Только позднее мы узнали, что мужчины увезены в Москву, чтобы предстать перед судом, где каждому был зачитан приговор, на какой срок каждый осужден*. Оттуда они были отправлены в лагеря каторжных работ.

В последний момент перед отправлением нашего поезда к нашему вагону подбежал чекист и выкрикнул имя моего отца. Его не нашли! Стало легче на душе, мы думали и надеялись, что, может, ему удастся спастись, остаться в Латвии и помочь нашему скорому возвращению.

Ночью с 15-го на 16 июня около полуночи мы выехали из Риги навстречу неизвестности. Ночь была темной и жуткой. Дождь лил беспрерывно, грохотал гром и завывал ветер. Молнии рисовали свои огненные знаки. То тут, то там в вагоне были слышны крик и плач. Было безысходно мрачно. Казалось, вся латышская земля в эту ночь дрожит в слезах и муках. Никто из нас ни на мгновение не сомкнул глаз этой ужасающей ночью. Мы прощались с родиной, и наши губы шептали одно слово: Латвия! Эту страшную и мрачную ночь не забыть вовеки.

ПО ДОРОГЕ В СИБИРЬ

Рига – Даугавпилс – Великие Луки – Ржев – Москва – Щербаков – Ярославль – Иваново – Горький – Киров – Молотов – Свердловск – Челябинск – Петропавловск – Омск – Новосибирск.

Ранним утром мы приехали в Даугавпилс. Поезд на короткий момент остановился. К вагонам подходили люди и несли нам съестное и питье. Охрана их не подпускала, но наи-

* Эшелоны с мужчинами, как это выяснилось впоследствии, были отправлены прямо в лагеря. Приговоры, вынесенные каждому в Москве, им сообщили лишь через несколько месяцев, а некоторым даже год спустя. Это были заочные приговоры, с заранее определенным сроком наказания.

более ловкие все же сумели передать нам свои припасы. Среди подносящих было много старых тетушек, которые горячо просили брать и не отвергать их приношения.

Многие из заключенных писали записки и отдавали их незнакомым людям, прося передать по назначению. Другие выбрасывали написанные записки на ходу поезда. Они описывали наше положение и предупреждали оставшихся о подобном бедствии. Были записки и такого содержания: "Отомстите за наши муки и унижение!"

Когда мы уезжали из Даугавпилса, много людей стояло вдоль ограды железной дороги; плача, они махали нам на прощание платками. Белые платки и опечаленные люди за оградой было последнее прости нашей родины.

Переехав латвийскую границу, мы сразу же попали в совершенно иной мир, который был совсем не похож на латвийскую землю. Посреди сиротливых, заброшенных полей стояли полуразрушенные хибары без крыш, неприглядные дома, по большей части нежилые, что заставило нас содрогнуться, ибо показалось, что и нам придется жить так же.

В Великих Луках, где нам выдали первый обед, я шла за ним под конвоем.

Москву мы проехали ночью, так что города не увидели. На следующей остановке в Щербакове (бывшем Рыбинске) нам дали рыбный суп и компот. Мы, правда, и не ожидали получить такие яства.

Некоторые остановки были ночью, но за едой мы все же шли. Иногда нам давали подгоревшую пшенную кашу. Хлеб был выпечен в формах, сильно пересолен, к чему мы позднее привыкли. Сохранились у нас еще и свои запасы хлеба и других продуктов из дома. Так что на голод мы не жаловались.

Дальше по пути мы встречали эшелоны с ссыльными из Литвы и Эстонии. В окнах вагонов можно было видеть тоже только женщин и детей.

Мы продвигались вперед очень медленно, так как из глубины России и Сибири шли нам навстречу несчетные военные эшелоны. Они направлялись в Европу. Мы не могли тол-

ком понять, что все это могло значить. Рассуждали всяко. Может, они едут пополнять войска, размещенные в Прибалтике, или принять участие в акции по высылке. Прикидывая различные варианты, мы с большим интересом ждали дальнейшего развития событий. Так как магистраль железной дороги была перегружена военными эшелонами, нас везли по смежным дополнительным путям. Во многих местах мы останавливались и подолгу ждали. Похоже было, что нам придется пробыть в пути еще долгое время.

Когда мы проезжали через Ярославль, на остановке нас впервые выпустили из вагонов. Поблизости был небольшой пруд, в котором мы смогли помыться. Здесь же мы встретили знакомых из других вагонов.

В пути умерло много маленьких детей и грудных младенцев, не вынесших ужасных условий. Их выносили из вагонов и тут же, недалеко от путей, закапывали.

Самые большие трудности были с водой. Часто после сильно пересоленной пищи нас мучила страшная жажда. Иногда мы получали чистую воду, но нередко нам приносили грязную, желтую, зачерпнутую тут же из канавы у полотна. Воду нам приносил какой-то русский заключенный, кому эта работа была поручена. Он был всегда очень голоден и с большой жадностью брал хлеб и другие продукты, которые мы ему давали.

Приближались к Горькому. Кругом было много болот и торфяника. Потом приехали в Киров. Здесь в наш вагон подсадили еще десять человек. Стало еще теснее и неудобнее.

В некоторых вагонах только сейчас отделили мужчин от женщин, перевели их в особый эшелон и увезли в Вятский и Соликамский каторжные лагеря. Там в первый же год почти все умерли от голода и ужасных условий.

За Молотовым, на значительном от него расстоянии, мы достигли Больших Уральских гор. Я восхищалась этой дикой, красивой природой, скалистыми горами. Кое-где были видны небольшие хижины и возделанные огородики. То тут, то там виднелось озеро или речка, бегущая между горных

камней. Многие горы поросли хвойными лесами: соснами, елями, а также и лиственными деревьями. На какой-то горной остановке худые, бедно одетые русские женщины вынесли топленое молоко в обмен на хлеб. Денег они не брали, говоря, что на них ничего не купишь – все очень дорого. Мы отдали им весь свой хлеб: он был невкусный. Мы знали, что на следующей станции мы его снова получим. Хлеб у нас не переводился. Топленое молоко сначала нам с непривычки не понравилось: оно было очень жирное, с толстыми коричневыми пленками. Позднее оно стало нравиться нам.

Нам разрешили держать двери вагонов немного приоткрытыми, так что мы могли видеть пробегающие мимо пейзажи. Два дня мы ехали через Урал. Пересекши Уральские горы, границу Европы и Азии, достигли большого железнодорожного узла – Свердловска, где сходятся железнодорожные линии Европы и Азии, а также севера и юга. Свердловск – самый большой город на Урале.

Очень, очень хотелось узнать что-нибудь о внешнем мире, о политической ситуации, а также – почему в таком большом количестве перевозят солдат и военную технику в сторону Европы. Но узнать что-либо было невозможно. Тем не менее мы надеялись что-нибудь выяснить в этом большом городе.

Это было накануне Лиго*. Недалеко от нашего вагона стоял какой-то железнодорожник и читал газету. Госпожа Е. бросила ему коробку папирос и попросила, чтобы он за это кинул нам газету. Сначала он был очень сдержан и не хотел пускаться с нами ни в какие разговоры, но в ответ на повторные просьбы скомкал газету в виде шарика и ловко закинул ее между прутьями решетки в окно вагона.

Жадными глазами мы читали газету, где на первой странице большими буквами было напечатано, что 22 июня 1941 года началась война между Германией и Советским Союзом. Эта новость была первым радостным известием и при-

* Латышский праздник, соответствующий славянскому дню Ивана Купалы.

дала некоторую уверенность нашим слабым надеждам. Об этом мы говорили теперь беспрерывно, рассуждали и делали всякие выводы. Возникла даже такая совсем смелая мысль, что, может быть, наш эшелон отправят назад. Эта мысль, как радостная весть, распространилась быстро. Во многих вагонах стали уже праздновать Лиго. И у нас тоже зазвучали песни Лиго и другие народные песни. Было весело, и все думали, что вот и мы будем спасены, но эшелон стоял и не двигался... Загремели военные фанфары, но мы были уже далеко, в глубине России.

Из Свердловска мы поехали на юг, чтобы освободить путь военным составам, которые огромным потоком стекались в Европу. На поворотах железнодорожного полотна через щель в дверях можно было видеть, какой длины был наш эшелон. Наш вагон находился в середине, и за нами тянулся предлинный ряд других вагонов. В Челябинске русские женщины продавали нам вкусный клюквенный сок и русские пироги.

Проехав Курган, мы стали приближаться к Петропавловску. Стали исчезать горы, началась равнина, с широкими сухими степными пространствами. Не видно было ни домов, ни людей. И лесов не было видно. Кое-где редко разбросаны небольшие, мелкие кустарники. И все это необъятное пространство покрывала сухая степная трава.

Вечерами, когда садившееся солнце, как красный огненный шар, озаряло багровым отсветом все лица, становилось особенно грустно и тяжело... Луна, проплывая над тихой степью, излучала свой холодный свет... Снова приходила ночь, темная, мрачная и безмолвная. День за днем все дальше и дальше катил эшелон. Казалось, что он никогда не достигнет своей цели. Когда въезжали в какой-нибудь город, то настроение становилось несколько лучше, чем среди степной равнины.

С каждым километром мы оказывались все глубже в Сибири, и все мрачнее становилось на душе. Наши надежды, возродившиеся в Свердловске, снова стали улетучиваться.

Ночью мы приехали в Омск, там нам выдали пшенную

кашу с творогом и изюмом. На подъезде к следующему городу нам сказали, чтобы приготовились: будут высаживать. Это было новым большим волнением, так как появились слухи, что теперь детей отделят от матерей и поместят в детские дома, то есть приюты, а матерей отправят на работы.

Сложили в большой мешок наши одеяла и подушки и упаковали другие вещи. Сидели в неведении и ждали, что с нами теперь будет. Так мы приехали в Новосибирск – столицу Сибири. Здесь отперли двери вагонов и выпустили всех наружу. Потом приказали всем вместе пересаживаться на большую баржу, чтобы двинуться дальше, в сибирские "деревни".

НА БАРЖЕ ПО ОБИ

Привезли нас к небольшой пристани, где была пришвартована баржа огромного размера. На таких баржах по сибирским рекам перевозят грузы. Сама пристань тоже была оборудована на старой барже, так что сначала мы не поняли, на какую нам грузиться.

Вниз баржи вели широкие, крутые ступени. Нам указали наше место: внизу, в носовой части. На другом конце находился уже раньше привезенный эстонский эшелон.

Если нужно было подняться на палубу баржи, то было трудно добраться до лестницы, так как все кругом было забито людьми. Надо было перешагивать через лежащих людей и вещи. Не повезло тем, кто находился вблизи лестницы: их все время тревожили, им не было никакого покоя. На пристани можно было кое-что купить. Тут продавали сметану, творог и русские пироги с капустой и яйцами. Было даже мороженое. Мы купили кружки и тарелки, так как свои забыли взять из дома.

Подвезли новые эшелоны, что следовали за нами. Этих тоже пригнали на нашу баржу. В общем здесь оказались четыре эшелона: три латышских и один эстонский. На барже мы чувствовали себя свободнее, чем в поезде. На обширной

палубе можно было прогуливаться. Мы не были также разделены вагонными стенками, а находились все вместе. В большой толпе бодрее себя чувствуешь. В подъезжавших эшелонах можно было встретить знакомых.

Когда наконец всех погрузили на баржу, ее потащил большой буксир.

Спать на барже было гораздо хуже, чем в вагоне, так как там, по крайней мере, у каждого было свое место на нарах, а здесь все должны были устраиваться на своих вещах. Приходилось спать в скрюченном положении. Вытянуть ноги было невозможно. Спать в таком виде было трудно, и ночи были мучительно долгими. Не было здесь также и питания, которое мы получали в поезде. Каждый день нам давали жижу из переквашенной капусты, сдобренную прогорклым постным маслом. Эту жижу почти никто не ел, за исключением тех, у кого не было своих продуктов, взятых еще из дому. И хлеб выдавали более скудно, чем в поезде.

Однажды днем случилось с нами несчастье. Мы сидели на своих вещах и обедали. Внезапно с палубы через открытый люк прямо на нас свалилась какая-то молодая женщина. Наше место было прямо под люком. Женщина была пьяна и, не устояв на ногах, свалилась в люк. Больше всех пострадали бабушка и младшая сестренка. Бабушка получила сильный удар по голове, и она у нее потом долго болела. У сестры появился большой синяк под глазом. Вся купленная посуда была перебита, а также разбилась банка с маслом. Нам пришлось масло растапливать и процеживать сквозь марлю, чтобы очистить его от осколков стекла.

Большую часть дня мы, помоложе, проводили на палубе, а бабушка оставалась внизу с вещами. Она не хотела карабкаться по крутым ступеням и преодолевать настоящие мучения, чтобы добраться до лестницы.

Нам казалось странным, что везущие нас не боялись, что мы можем убежать, ибо на барже не было ни одного охранника, кроме одного чекиста, нашего начальника, который должен был доставить нас по месту назначения. Но, прикидывая возможности побега, каждый понимал, что они

очень малы. Однако позднее появились слухи, что кое-кто из парней, узнав о начале войны, сбежал и добрался до Латвии.

Мы плыли по большой сибирской реке Оби. Баржа медленно скользила по течению на север. Проехав несколько дней, мы заметили, что за нами плывет большой белый пароход. Распространились слухи, что на пароходе везут мужчин, отделенных от нас в поезде. Когда пароход подплыл ближе, мы увидели на нем много женщин и детей, а также юношей, только-только достигших совершеннолетия. Их потом отчислили и увезли куда-то.

Белый пароход присоединился к нашей барже, и мы поплыли рядом. На пароходе разместились один латышский и один эстонский эшелоны. Там мы встретили знакомых. На кухне парохода продавалась еда, но ее так быстро раскупали, что всем не хватало.

Помню один красивый летний вечер. Стояла теплая, приятная погода. У некоторых латышей и эстонцев были аккордеоны и скрипки. На скорую руку они составили оркестр. Над баржей поплыли милые звуки латышской музыки. Многие молодые стали вращаться в танце... Было так странно слышать мелодию вальса "У янтарного моря", звучащего над широкой Обью. И жизнерадостные парни и девушки, одетые в свои лучшие одежды, кружились в вихре танца. В молодости невзгоды так долго не подавляют, как в старости. Но для многих, очень многих этот странный танец в багровом озарении заходящего солнца над широкой Обью был последним в их жизни! Об этом мы тогда еще не знали и даже не могли себе представить, как много молодых латышских парней и девушек очень скоро будут покоиться в этой чужой земле.

Вместе с радостью танца было так страшно... Кругом широко открывались взору дикие и мрачные пейзажи. Обь – одна из самых широких рек в мире, и здесь она раскрывала все свое могущество. Местами она была так широка, что невозможно было разглядеть ее берегов. Казалось, что мы плывем по морю. Особенно сильно Обь разливается летом,

выходя из своего русла и затапливая берега. На высоких берегах росли деревья. Фруктовых садов я не видела. Здесь, наверное, зимы очень холодные. Проплыв сотни километров, мы не увидели ни одного дома, ни одной деревни. Все так мрачно и жутко, и мы скользили все глубже в этот безлюдный, как бы опустошенный мир. Мы начинали понимать, что нас преднамеренно увозят подальше от всяких путей сообщения, чтобы затруднить бегство и возвращение на родину.

НАС ПРЕВРАЩАЮТ В НЕНУЖНЫЙ ГРУЗ

Уже прошла неделя, как мы плывем по реке. Из-за тесноты на барже соблюдать чистоту невозможно, как и невозможно уберечься от заражения болезнями. Установили много случаев заболевания тифом. Никакой врачебной помощи не было. Не было возможности изолировать больных, ибо не было свободных помещений. Мечась в горячке, больные лежали в ужасной грязи рядом со здоровыми. С большим нетерпением мы ждали, когда нас где-нибудь высадят на берег, иначе нам всем не избежать этой страшной болезни. Положение становилось все серьезнее.

По берегам реки кое-где стали показываться то домишко, то захудалая деревушка с маленькими, бедными хибарами. В одном месте выкрашенная в синий цвет лестница вела наверх, на высокий берег реки, к серому поселку. Позднее мы узнали, что это город Колпашов. Комендант нашей баржи, офицер НКВД, сошел на подъехавшую маленькую лодку. Она пристала к берегу, и он поднялся по лестнице наверх. Вернувшись, он сообщил, что главный комендант города не хочет нас принять. Это нас глубоко задело и оскорбило. Подумать только, нас вырвали из наших домов, из родной земли, увезли далеко на чужбину и здесь возят, как рабов, предлагая бедным русским деревням поселить нас где-нибудь на своих задворках, иначе хоть просто оставайся под открытым небом.

Поплыли дальше. На следующий день пристали у малень-

кого городка Парабель. Белый пароход поплыл дальше на север, в Шпалзавод.

К нашей барже пристало несколько барж поменьше. Нас вызывали в таком порядке, как мы были в вагонах, и распределяли по малым баржам, которым предстояло развезти нас дальше по колхозам. Часть людей оставили тут же, в Парабели. Как мы потом узнали, эти оказались самыми везучими. Тех немногих мужчин, которые ехали в нашем эшелоне и у которых не было семей, посадили на одну малую баржу и увезли на какие-то лесопильные заводы. Между ними были некоторые известные латышские общественные деятели, как Динсбергс, Спива, Дамбекалнс. Они сердечно простились с нами, остальными латышами. Наша семья оказалась на небольшой барже вместе с людьми из нашего и соседних четырех вагонов.

Когда все вещи были перенесены с большой баржи на малую, мы продолжили путь. Было грустно проститься со всеми остальными соотечественниками. Все это время мы держались вместе и чувствовали себя как большая, сильная семья, в которой горе и трудности переносятся легче. Теперь нас разлучают и делят на малые части. Так нас, латышей, рассеяли, как пылинки, по громадной России.

ВСЕ ГОРЕСТНЕЕ СТАНОВИТСЯ НАША ПЕСНЯ

Был теплый, тихий летний вечер. Мы еще слышали грустные звуки песни "Вей, ветерок", которую пели оставшиеся на берегу, она еще долго звучала у нас в ушах и постепенно растворилась в полной тишине.

Нашу баржу тащил маленький буксир. У баржи была дощатая крыша, что защищало от ветра и дождя. Штурман, он же и лоцман, был древний старичок с длинной белой бородой. Он не умел ни читать, ни писать, но реку знал, как в своей хижине стены. Он был очень душевный и разговорчивый. Позднее выяснилось, что он латыш. Его родители приехали в Россию, когда он был еще ребенком. Они умерли, и

он остался один. Поэтому, всю жизнь проживши в России, он совершенно забыл латышский язык. Нас очень поразило, что здесь, в далекой Сибири, нам привелось встретить латыша былых времен. Но позднее нам приходилось встречать и других латышей, что осели здесь еще до Первой мировой войны.

Когда мы высаживались с баржи, латышский старичок, прощаясь с бабушкой, подарил ей кусок сахарной головы.

Мы плыли весь день и всю ночь. На следующий день из широкой Оби выехали в ее меньший приток – Парабель. По мере нашего продвижения река становилась все у́же. Мы сидели тихо и ждали того места, где нам суждено увядать.

После обеда наша баржа подплыла к небольшой деревушке – Петкуль. Перекинули на берег длинную доску, по которой нам пришлось сползать вниз на берег. Тем, у кого вещи были побольше и потяжелей, было трудно выбраться на берег. Некоторые, волоча тяжелые чемоданы, сваливались в воду, где изрядно вымокли. Как только мы выгрузились с баржи, она отчалила. Людям одного из вагонов нашего эшелона велели оставаться здесь, в Петкуле. За их вещами приехали две подводы. Остальным, из других трех вагонов, в том числе и нам, сказали ждать, пока из других колхозов приедут за вещами.

Второй вагон был отправлен в Покровку, третий – в Малый Чигас, а наш – в Большой Чигас.

Так через месяц пути наши ноги вновь коснулись земли. 10 июля 1941 года мы приехали в колхоз Большой Чигас Парабельского района Новосибирской области, примерно за шесть тысяч километров от нашей Латвии.

В КОЛХОЗЕ ЧИГАС

Вскоре мы дождались своих подвод. Уложили вещи на них, усадили бабушку, которая была слишком слаба, чтобы пройти пешком восемь километров до деревни.

Дорога была ужасная. Она шла через заболоченное мес-

то. Так как совсем недавно прошли сильные дожди, ее затопило. В некоторых местах были такие лужи, что колеса утопали в них до рессор. Туфли пришлось снять и шагать босиком. Мы не привыкли ходить босиком и поэтому продвигались вперед очень медленно, ушибая ноги о сучья, которых здесь было ужасно много. Подвода кренилась то на одну, то на другую сторону, и бабушке с трудом удавалось удержаться на ней. Слабые, изможденные лошадки еле-еле волочили навьюченные подводы. В лесу, которым мы ехали, было очень много комаров, и мы были просто счастливы выехать в поле. Проехали бедную деревушку Покровку. Здесь должны были обосноваться люди из второго вагона. Через несколько километров достигли Большого Чигаса. Это место было предназначено нашему вагону.

Из всех окон на нас смотрели любопытные глаза. Подвода остановилась у какого-то большого дома. Это оказалась школа. Она состояла из двух комнат побольше и одной поменьше, большой кухни и передней. Мы внесли свои вещи в большие комнаты, расстелили одеяла на полу и легли спать, ибо очень устали.

Большой Чигас находился на пригорке. С одной стороны его огибала речка – Малая Парабель, за которой видна была непроходимая лесная чаща, с другой стороны были поля и луга.

Кое-как начали привыкать к жизни в школе. Это было самое большое, недавно построенное здание в поселке, с большими окнами и высокими потолками. При школе был небольшой огород. Русские приходили каждый день целыми гуртами подивиться на нас. Наш приезд был для них большим событием. Никогда еще в своей жизни местные жители не видели так хорошо одетых людей, поэтому им недостаточно было на нас смотреть, они еще и ощупывали нас. Сами они были одеты в серые лохмотья.

Как-то днем неожиданно к нам приехал так называемый комендант. Он выдал всем взрослым справки, которые должны заменить паспорта на двадцать лет. Позднее он так же приезжал каждый месяц нас регистрировать, проверяя, не убежал ли кто.

Староста деревни издал приказ, по которому к определенному числу мы должны были освободить помещение школы и найти прибежище у жителей деревни.

Выселив нас из школы, еще больше рассеяли латышей. В последний прощальный вечер мы собрались все вместе, пели наши народные песни и разговаривали о далекой родине. Было очень грустно...

Небольшие семьи легче нашли себе новый приют. Нам, пятерым, пришлось трудно, поэтому еще на какое-то время нам разрешили остаться в школе. Из-за непривычной еды и плохой воды бабушка заболела дизентерией. Долгое время мучилась она этой болезнью. Совсем ослабела, и, казалось, она не выживет, однако поправилась, хотя медицинской помощи не было никакой.

ЖИВЕМ У РУССКИХ

После долгих поисков мы наконец нашли квартиру у одной добросердечной русской женщины. Мы заняли маленький уголок в небольшой комнате, где всех нас вместе жило девять человек. Жизнь здесь была весьма непривычной и неудобной. Деревенские жители чувствовали себя теперь смелей и уже с утра стояли у дверей квартиры и смотрели, как мы одевались и что ели. Лето здесь было жарче, чем в Латвии, и в жаркие дни воздух был полон мелкой мошкары, которая забиралась под одежду, в уши, в ноздри, высасывая кровь. Это было очень болезненно и изнурительно.

Взятые из дома продукты иссякли, и мы стали выменивать одежду на еду.

Первое время нам выдавали по килограмму хлеба на человека. Потом перестали. Заставляли вступить в колхоз. Но мы пока не хотели связываться с колхозом, ибо слышали, что развязаться с этим нелегко.

Появился первый снег, и мы все еще не хотели верить в горькую правду, что нам придется здесь провести долгую, суровую зиму. Мы чувствовали себя, как перелетные пти-

цы, которым пришел последний срок улетать, пока холодная зима не заморозила их. Но мы должны были с болью подавить все свои чувства и тоску по далекой родине и приготовиться встретить то, что нас ожидает.

Зима здесь суровая и тянется восемь месяцев. Иногда поднимаются сильные ветры со снежными метелями. Их называют здесь буранами. Нас однажды застал в пути такой буран. Мы ходили в село Чигас, находившееся от нас в восьми километрах, чтобы выменять какие-нибудь продукты на оставшиеся вещи. На обратном пути нас настиг буран. В лесу мы его еще не чувствовали, но, когда вышли в открытое поле, ветер стал швырять нас на землю. Дорога была заметена, идти было трудно, к тому же мы были увешаны мешками с мукой – за одно шерстяное платье мы получили пуд муки крупного помола. Хорошо, что дом был уже недалеко. Наконец мы счастливо до него добрались. И тогда засвирепствовал настоящий буран.

Иногда мы шли проведать наших земляков. У одного украинца, где тоже жили латыши, был патефон. Когда мы туда приходили, он с большой охотой ставил его на стол и разрешал нам его заводить. Правда, пластинки у него были лишь с танцевальной музыкой. Так мы проводили несколько отрадных часов, слушая музыку и говоря о родине. Приходила зима – в большом беспокойстве и ожидании, что нам принесет весна 1942 года. Из маленькой местной деревенской газеты, которую мы иногда получали, мы узнавали, что немецкая армия быстрыми темпами занимает и оккупирует обширные области России.

Весна приходила медленно. Наша хозяйка отказала нам в квартире. Другая женщина сдала нам будку, служившую хлевом для скота. Будка была в весьма жалком состоянии, ее нужно было ремонтировать.

Взялись деятельно за работу. Сначала нужно было выгрести большое количество навоза, нижний слой которого был еще замерзшим и поэтому с трудом поддавался. Вычистили его в несколько дней. Правда, руки были в сплошных мозолях и ужасно саднили. Крыша была совершенно про-

гнившей, ее нужно было заново перекрывать. Для этого из лесу мы принесли прямых длинных сучьев, обтесали их и уложили поверх перекрытий. Так как досок не было, мы обошлись березовой корой. В лесу было много комаров и тучами стояла мелкая мошкара, и, пока мы отдирали нужное количество коры, это причиняло нам большие страдания. Поверх сучьев мы настелили мелкого хворосту, на него уложили кору, а поверх коры насыпали толстый слой песка, покрыли его дерном – и крыша была готова. Тогда мы замесили глину и обмазали стены хижины, выравнивая поверхность дощечкой.

Важнейшим делом было построить печку. Где взять кирпичи? Не оставалось ничего другого, как попробовать самим изготовлять кирпичи. Достали большое корыто, в нем размешали глину, белый песок и лошадиный навоз с водой. Все это нужно было раздобыть и принести с отдаленных мест. Правда, навоз мы собирали на дорогах и брали на колхозной конюшне. Все это мы высыпали в корыто и месили ногами, пока замес не получился густым и ровным. Тогда замес заложили в формы, сжали и вывалили на старые доски; на солнце он затвердел и превратился в кирпич. Замесили изрядное количество корыт, чтобы получить нужное количество кирпичей. Один местный старичок за 150 рублей сложил нам большую печку.

Вырыли небольшой подвал. Не хватало досок для пола. Пошли с Л. на поиски. Пришли на колхозную конюшню. Во время обеда там никого не было. Мы незаметно пробрались вовнутрь. Со стен – за стойлами и в других местах, где доски были слабо прикреплены, – отодрали несколько и через маленькое окошко выбросили их в сторону речки. Затем стащили их с крутого берега вниз и так, берегом, понесли к нашему хлевушку. Тут мы их почистили, отмыли, распилили на нужную длину и настелили себе пол. Оставшиеся доски использовали для дверей и окон. Не было стекол. Что делать, пошли снова с Л. – на этот раз в наше старое жилье, в школу. Мы вскарабкались к окнам со стороны леса, отогнули с наружной стороны стекол гвоздики и вынули стекла. Спря-

тали их под тряпки, отнесли в свой хлев и вставили в оконца. Затем вычистили комнатушку и перенесли в это наше новое жилье свои пожитки.

ЖИЗНЬ В ХЛЕВУШКЕ И ЗАБОТА О ХЛЕБЕ НАСУЩНОМ

Здесь мы чувствовали себя лучше, чем на предыдущем месте. За нами не следили на каждом шагу любопытные глаза русских. Но с наступлением лета нас заставили ходить на колхозные работы. Правда, ходили мы не часто. В лучшем случае можно было заработать 300 граммов хлеба в день. Уже лучше пойти за грибами и ягодами.

Иногда мы купались в речке Парабели. К сожалению, она была сильно засорена. По ней плавало много досок и бревен. Мы на них натыкались и царапались.

За рекой раскинулись громадные леса, где не было никаких дорог. Вероятно, человек еще ни разу не проезжал через них. Даже местные жители не знали, что находится за этими лесами. На опушке росла земляника, крупная и сладкая. В зеленой траве березовых рощ она выглядела, как рассыпанные красные пуговицы. Это было самое красивое место во всей округе. Через рощу протекал маленький ручей. Весной по его берегам росли пахучие фиалки и ранние грибы. В большой лес ходить по грибы было опасно: можно было легко заблудиться.

В тех дремучих лесах огромные деревья, которых не касалась рука человека, мирно отживают свой век, засыхают, падают от сильных ветров, покрываются плесенью и мхом и наконец в растают в траву.

Как-то нам случилось углубиться в лес, ибо грибы на опушке были все обобраны. На краю леса был пригорок, но дальше чаща вела в низину. Здесь тайга была густой и мрачной. В чащобе сквозь ветви деревьев едва можно было разглядеть синеву неба. Лишь изредка чирикнет какая-нибудь птичка. Да откуда-то издалека донесется кукование кукушки. Было страшно и дико, и мы пустились бежать вон из леса.

Случись кому-нибудь, кто не знает местности и плохо умеет ориентироваться, войти поглубже в лес – если не подоспеет помощь, безнадежно пропадет. Если это случалось с кем-нибудь из жителей колхоза, то тут же объявлялась тревога. Все колхозники шли искать пропавшего. Непрерывно звонили в подвешенный лемех плуга, как в колокол, чтобы заблудившийся мог сориентироваться по звуку. Часто из-за сильного ветра звуки колокола в лесу было трудно расслышать.

За малиной ходили в другую сторону – за хлебные поля. Кусты малины, черной и красной смородины росли вдоль полей, достигая большой высоты. Росли они также и в тайге. Кое-где можно было найти бруснику, чернику и голубику. Особенно много этого было за старым развалившимся сараем, за хлебными полями. В более влажных местах жило много змей.

Ходили в березовую рощу срезать мелкие веточки, из которых вязали веники. Здесь опять-таки были тучи комаров, от которых невозможно было отбиться. Березовые метлы на зиму засушивали и давали зимой худым колхозным овцам как корм.

Подошло время дергать лен. Колхозные нормы были очень высокие. Никто не мог их выполнить. По размеру выполненного от нормы мы получали количество хлеба. Сначала эта работа казалась нам очень трудной, ибо никогда прежде мы этого не делали. Потом привыкли. Если попадался хороший, чистый лен, мы быстро продвигались вперед.

После уборки хлебов мы должны были собирать оставшиеся на полях колосья. Потом начался сбор картошки и овощей.

В тайге росли некоторые пригодные для питания растения. Одно из них – колба – напоминает наш ландыш, по вкусу же похоже на чеснок. Ее даже на базаре продавали. Русские заготовляли колбу на зиму. Мелко нарезали и в какой-нибудь посудине замораживали, и так она стояла всю зиму.

Русские рассказывали, что их сюда привезли, чтобы они строились и начали здесь новую жизнь. Многие болели цын-

гой, так как есть было нечего. Тогда они стали варить и есть разные травы. В особенности они приметили эту колбу, при помощи которой вылечивали цынгу. С тех пор колба у них в большом почете. Мы тоже ходили ее собирать. Весной она была мягкая и сочная, летом же становилась твердой и невкусной. Приятнее всего она сырая, с солью и хлебом. Было и такое растение, которое напоминало морковь, только с мелким корешком. Среди растений некоторые были очень ядовиты.

Подошел мой пятнадцатый день рождения. Из грубой муки мама испекла небольшой крендель и сварила кофе. Наша жизнь становилась все трудней, ибо все меньше оставалось вещей для обмена на продукты. За оставшееся мало что можно было получить. Местные жители уже неплохо приоделись в наши вещи, к тому же при их бедности у них не было больше продуктов для обмена.

Снова пришла осень. Надо было думать, как застраховать себя от суровой зимы. Нанесли много соломы и построили вокруг нашего домика толстую стену из соломы, чтобы спастись от свирепых ветров.

Еще поздней осенью мы ходили по грибы. За них мы могли получить немного денег и хлеба. Ходили в дальний чигасский лес, где можно было собирать и орехи. Это был большой лес. В основном там росли кедры — хвойные деревья, в шишках которых находились маленькие орешки. После бури или большого ветра земля была усыпана упавшими кедровыми шишками. Мы их собирали, приносили домой, вытряхивали орешки, поджаривали на сковороде и ели. Орешки были масляные и вкусные.

Русские умели изготовлять жевательную резинку. Ее пекли из еловой смолы и продавали на базаре. Резинка была горьковатой на вкус. Жевали ее все: молодые и старые.

На коре многих кедров были сделаны специальные надрезы, по которым стекала смола. Собранную смолу отправляли для дальнейшей обработки.

ЗИМА В КОЛХОЗЕ

Пришла зима с большими холодами и глубокими сугробами. Деревенские избушки были занесены толстым слоем снега. Поднималась такая пурга, что из окна ничего другого не было видно, лишь одни снежные вихри. Только ветер гудел за стенами нашей будки. Нужно было порядком покопать, чтобы выбраться наружу. Мороз все время стоял около сорока градусов. Эта зима обещала быть намного суровей, чем прошлая.

У нас кончились дрова. Хочешь не хочешь, а надо было отправляться в лес, чтобы их нарубить и привезти.

На дворе холодный воздух перехватывал дыхание и слезы выступали из глаз. Снег громко хрустел под ногами. Воздух был наполнен белым туманом, который днем заслонял солнце, а ночью – звезды. Деревья были покрыты белым инеем. Непрерывно падали мелкие снежинки, покрывая инеем деревья, землю, замерзшие реки и озера. Тайга за рекой выглядела как застывшая пенистая волна. По временам в поселке на морозе трещали крыши домов. Деревья были белыми с верхушек до самой земли. Они стояли в ряд, обнявшись заиндевелыми ветвями, как громадные, пышные ледяные цветы.

Брови и ресницы становились тоже белыми от инея. Было трудно дышать, но ничего не поделаешь – надо было браться за работу, идти трудиться. Снег доходил до пояса. Мы выбирали прямые и толстые деревья, спиливали их, затем распиливали на короткие бревна и заволакивали на санки. Было трудно пилить без привычки: никто из нас толком этого не умел, но, вработавшись, мы начали неплохо с этим справляться. Погрузивши бревна на большие сани, мы, напрягшись, тащили их домой, где распиливали на короткие чурбаки и раскалывали на дрова. Бревна были такими замерзшими, что, когда их кололи, они трескались с грохотом.

В поисках сухих дров ходили также за поля, в березовую рощу. Возвращались домой совершенно замерзшими. Да и одежда наша была неподходящей, чтобы в такой мороз

ходить в лес дрова пилить. У нас не было высоких, теплых валенок, поэтому, чтобы снег не набивался в чулки, мы перевязывали ноги полотенцами. Нашу старенькую хижину невозможно было натопить. Перекладины потолка, дверные и оконные рамы были белыми от инея. Оконные стекла покрылись толстым слоем льда, так что в комнате был полумрак. Мы стояли съежившись и плели рыболовные сети, за которые получали немного хлеба и денег. Надо было залатать и собственные лохмотья, чтобы они совсем не развалились.

В длинные зимние вечера мы шли спать рано, чтобы экономить освещение. Керосиновая коптилка сильно коптила. Лежа рассказывали всякие истории, пока не засыпали. Вечерами, перед сном, залезали на крышу домика и кусками коры и кирпичами закрывали трубу, чтобы задержать тепло.

В нашем маленьком подвале под полом дома померзла картошка. Пришлось есть ее такую – сладкую и неприятную.

Иногда приходили письма от знакомых из Красноярского, Каргосовского и Парабельского районов. Письма приносили нам печальные известия. В первую зиму многие латыши не выдержали тяжелых условий и умерли, особенно маленькие дети и пожилые люди.

СУДЬБА ДВУХ ПОКОЛЕНИЙ КОЛХОЗНИКОВ

Из нашей и соседних деревень как последний резерв призвали в армию некоторых совсем молодых колхозников. Снова появилась надежда, что войне скоро конец, ибо власть считала этих призывников неблагонадежными. Они не были мобилизованы в начале войны, теперь же их отправляли на фронт как последнюю силу. Эти люди так же, как и мы, считались "спецпереселенцами". До Октябрьской революции они жили зажиточно, за что были изгнаны из дома и сосланы в Сибирь. В Сибири им указали некое лесное, заболоченное место для застройки и житья. Здесь они положили свои силы и здоровье, строя хибары и обрабатывая землю.

Сначала строили примитивное жилье, потом – получше.

Когда прижились, стали приобретать и коров. Но как только они устраивались получше, их тут же переселяли на другие земли, где все приходилось начинать сначала. Естественно, что от такого бессмысленного переселения, ужасных условий и тяжкого труда многие погибали, некоторые же сами кончали с собой.

Оставшиеся в живых превратились в подобие животных. Каждый день их гнали на тяжелые работы, где они зарабатывали себе на существование. Понятно, что у них уже не было ни энергии, ни желания жить, чтобы улучшать свою жизнь, ибо, стоило им достигнуть чего-нибудь получше, все построенное власть уничтожала и разрушала. И по сей день их маленькие участочки и бедные хижины были обложены большими налогами. Кто не мог платить налоги, тому приходилось продавать свою коровку, единственный источник дохода, чтобы потом познать еще большую нужду. Но налоги должны быть уплачены.

Их дети болели малокровием и рахитом. В возрасте нескольких лет они нередко не могли ходить, ноги были неспособны удерживать туловище. Многие умирали в раннем возрасте.

Однажды приезжал какой-то чекист и велел жертвовать полушубки и валенки для нужд армии. Жертвовать должна была каждая семья. У многих этих вещей вовсе и не было, они снимали с себя лохмотья и отдавали их. Кто не хотел, тех запугивали и ругали, обещая выгнать из домов. Неудивительно, что эти новобранцы говорили, что, если попадут на линию фронта, будут сдаваться немцам.

Бедность и нищета в колхозе были неописуемы, поверить в это и представить все это может только тот, кто видел все это своими глазами и понял, в какой ужасной темноте и отсталости до сих пор живет русский народ. Казалось, что жизнь здесь отстала на несколько столетий.

СМЕРТЬ БАБУШКИ

Однажды вечером бабушка вышла из дому, упала на льду и сильно ушибла руку у сгиба ладони. При падении она, вероятно, разорвала артерию, ибо кровь шла потоком, и остановить нам ее удалось с большим трудом. Так как никакой медицинской помощи не было, мы стали лечить ее своими домашними средствами. В рану попала грязь, и рука стала опухать. Образовалась большая шишка, которая лопнула, и из нее потек гной. Из-за недостатка мыла и горячей воды было невозможно чисто вымыть повязки.

Воздух в нашей будке был тяжелым и пахло гноем. Из-за большого мороза окно можно было открывать лишь на короткое время. После бесчисленных просьб мы наконец получили колхозную подводу и отвезли бабушку за восемь километров к фельдшеру. Только после долгого ожидания принял он ее для осмотра. Не посмотрев толком рану и не расспросив о ходе болезни, он выписал какую-то мазь. Ни о травме, ни о ее дальнейшем лечении у нас по-прежнему не было никакой ясности. Постепенно опухоль спала, и рука как будто зажила. Только в ушибленном месте она высохла и стала вдвое тоньше, чем прежде.

С тех пор бабушка уж больше не поправилась. С каждым днем она чувствовала себя все хуже, очень похудела и ослабла и стала жаловаться на острую боль в почках.

Наступило 31 марта. С утра бабушка жаловалась на большую слабость и боль. Ничего не ела. Ни покормить было ее, ни попоить даже с ложки, так как зубы были сжаты судорогой. Говорила она еще осмысленно, но не могла ясно произносить слова. Вечером пришла ее проведать добрая госпожа К. и принесла клюкву. Это было единственное, что бабушка съела. Ягоды ее взбодрили. Даже заговорила она яснее и радовалась посещению госпожи К. Назвала ее добрым ангелом, в последний раз пришедшим ее навестить. Когда гостья ушла, бабушка на минуту заснула. Очнувшись, была беспокойной всю ночь. Под утро 1 апреля 1943 года ее сердце остановилось.

Утром госпожа Д. обмыла и одела бабушку. Договорились с плотником, что он собьет из досок некрашеный гроб и крест. На кресте латышские ребята выжгли бабушкино имя и год рождения и смерти. Из лесу мы принесли веток хвои и рябины и сплели из них венки. Уложили бабушку в гроб и установили его на двух скамьях. Собрались провожающие – земляки из нашего и соседних колхозов. Спели несколько заупокойных молитв. Догорели свечки у гроба. Поставили гроб на подводу и поехали на кладбище, недалеко от колхоза. Было очень холодно, и дул резкий ветер.

Латышские ребята вырыли яму. Рыть ее было очень трудно, так как земля на глубине нескольких метров замерзла, и пришлось работать ломами. Яма была мелкой. Один бывший студент богословия сказал короткое заупокойное слово. Каждый кинул по горсти земли. Уложили свои горестные венки на могилку и, простившись, отправились домой, ибо большой мороз не дал задержаться подольше. Итак, один из нашей семьи похоронен. Чей следующий черед?

ОТЧАЯНИЕ ВЫНУЖДАЕТ МАМУ И СЕСТЕР СОБИРАТЬСЯ В ДОРОГУ

Вскоре после смерти бабушки мама и сестры собрались в дорогу в ближайший городок Парабель, чтобы устроиться на какую-нибудь работу. Там было больше возможностей заработать, чем в колхозе. Я проводила их до колхозной границы.

Было грустно на них смотреть, ибо они выглядели поникшими, безо всякой энергии. К Маечкиной головке привязалась какая-то болезнь, которую русские зовут "золотухой". Ее затылок был весь покрыт чирьями. Волосы, которые слиплись от гноя и в которых уже заводились вши, нужно было отрезать. Да и сама она была вся очень худенькая, маленькая и бледная.

И другая сестра, Дзидра, очень похудела. У нее все тело было покрыто большими нарывами, которые тоже гноились и сильно болели.

В некоторых местах дорога была затоплена. Там приходилось пробираться босиком. Дзидре было очень тяжело, ибо холодная вода, касаясь нарывов, заставляла ее сжиматься от острой боли. Ногу, на которой было особенно много нарывов, она опустила в ведро и, пока переходила воду, придерживала ведро рукой.

На лице матери была полная ко всему апатия. Сможет ли она содержать сестер? Было невыразимо больно смотреть, как они все трое едва передвигались. У каждой в руке был узелок из оставшихся наших скудных пожитков. Я спрашивала себя, как они смогут преодолеть трудности сорокакилометрового пути. Я стояла на краю дороги и смотрела им вслед, пока их фигуры не растаяли вдали.

Теперь в нашей будке нас оставалось трое. Чтобы хоть как-то предохранить себя от дальнейших возможных злоключений, мы посадили на отведенном нам участке земли картошку и овощи. Ходили в лес рубить березы, распиливали, раскалывали и укладывали в поленницы, чтобы за лето они высохли и у нас были сухие дрова на следующую зиму.

Крыша нашей будочки в одном углу провалилась. Нижние бревна стен подгнили. Камней для подпоры не было. Нигде поблизости не было ни одного камня, правда, в полях и в лесу мы видели большие камни, но использовать их для наших нужд не могли. Как сумели, починили наше полуразвалившееся жилище.

Каждую минуту надо было думать о добыче пропитания. Мы шли с Л. к ближайшему болоту и ловили лягушек. Л. бродила по воде и ловила лягушек, я же убивала их палкой и складывала в мешочек. Наловив дюжину, шли домой, где их обдирали, чистили и варили тушки в воде. Они по вкусу напоминали куриное белое мясо, и нам очень нравились.

Однажды Л. поймала в своем матраце, то есть мешке с соломой, пару мышей, которые устроили себе там гнездо. Мы их тоже ободрали и зажарили. Такие приключения несколько скрашивали наши серые будни.

АГИТБРИГАДА И ВСТРЕЧА С НИЩЕЙ

Однажды мы пошли в клуб, где выступала приехавшая из Парабели концертная агитбригада. К нашему большому удивлению, во время чтения одного из стихотворений о Сталине участники бригады стали смеяться. Тогда на сцену поднялся руководитель бригады и перед всеми стал их резко и грубо отчитывать.

На следующий вечер в соседнем колхозе показывали короткую пьеску, в которой был сильно высмеян Гитлер, что колхозники восприняли с большим восторгом. После пьесы начались танцы. Обычным видом развлечения колхозной молодежи было собираться вечером в большие группы. Они ходили круго́м и пели под гармонь ими же сочиненные частушки.

Рядом, в селе Покровка, находился небольшой магазинчик. Там можно было купить соль, спички и некоторые другие мелочи. Начальникам по ордерам там выдавали хлопчатобумажные ткани.

Однажды, идя в магазинчик, мы встретили нищую. Она услышала, что мы говорили по-латышски, подошла к нам и на ломаном латышском языке заговорила с нами. Она рассказала, что вместе с охраной приехала в Сибирь уже очень давно, еще до Октябрьской революции.

Сначала они жили хорошо, но после революции условия изменились и ухудшились. Отец и брат были арестованы, мать умерла. Сама она работала на низкооплачиваемых работах, пока и оттуда не уволили по политическим причинам. Никуда больше на работу ее не принимали, и она была вынуждена скитаться и просить милостыню. Она уже долго скитается по свету кругом, существуя на подаяния людей. Летом она находит себе приют в тайге, а зимой где-нибудь в уголке у сердобольных людей. Уже привыкла к своей судьбе.

В Сибири много таких нищих скитальцев. Особенно на юге, где климат теплее. Они бродят вдоль берегов рек, чтобы не заблудиться в бескрайних лесах. По берегам рек имеются тропинки, протоптанные этими бродягами. Она по ним

уже прошла огромные сибирские расстояния. И она снова зашагала, продолжая свой путь в своей ободранной одежде, с мешочком за плечами и палкой в руке, весьма бодрым шагом.

ТРУД ПОДРОСТКОВ В ТАЙГЕ

Нам в колхозе приходилось тяжело работать. Самая трудная работа была весной. Нужно было землю вспахать для посадки картошки. Лошади почти все погибли от голода. Поэтому мы должны были землю пахать вручную. На каждого была определена норма, сколько нужно вспахать за день. Это была трудная и однообразная работа. Руки все были в мозолях, кожа лопалась и нещадно болела.

Вечерами мы ходили на поля собирать чертополох, крапиву и болотные коренья, из которых варили похлебку. Самое большое несчастье случалось, когда дома не было соли. А без нее похлебку из травы можно было проглотить лишь с мучениями.

Весной большого труда стоило добывать картошку. Ее нигде невозможно было купить, ибо у всех она уже кончилась.

Внезапно 27 мая 1943 года пришла весть, что в Парабели мобилизуют латышей для работы там. Жаль было оставлять посаженную картошку, ибо мы не знали, что нас ожидает следующей зимой. Собирались в дорогу. Надеялись, что, может быть, жизнь на новом месте окажется более счастливой, чем в этом мрачном колхозе, где умерла наша бабушка.

В ПАРАБЕЛИ

Рано утром мы выехали из колхоза. Пожитки всех латышей погрузили в две поводы. Латыши из соседних колхозов тоже ехали вместе с нами. Добравшись до Чигары, немножко передохнули и поехали дальше. Дорога большей частью

извивалась по полю. Несколько раз мы давали лошадям отдохнуть и отдыхали сами. К вечеру мы уже очень устали. Женщины постарше попеременно сидели на подводах. В двух километрах от Парабели мы остановились в маленькой деревушке, где решили переночевать. Была теплая летняя ночь, вдали мелко мерцали огни Парабели, и долетали отзвуки далекой музыки. Рано утром мы оставили деревушку.

В Парабели мы встретили некоторых латышей. Парабель – небольшой городок на берегу речки Парабель. В городе были одно- и двухэтажные дома, а также электричество и радио. Мы подъехали к клубу, который находился в большой церкви со снятым куполом. Здесь нам велели выгрузиться. Стало съезжаться все больше латышей. Приехало также много молдаван. Они устроились в прихожей. Нас было теперь здесь вместе триста человек. Мы едва могли протолкнуться к дверям – как много людей тут собрали!

На другой день мы пошли на мамино место работы. Ее там не нашли. Я уже хотела уходить, когда увидела выходящую из рабочей столовой сестру Дзидру с кувшином в руке. Ее было трудно узнать – так она похудела, высохла, болезненно бледная с темными мешками под глазами. Ноги все были в нарывах, на плечах висело зеленое зимнее пальтишко, а на голове вязаная шапка. Ноги ее были босыми. В руке она держала кувшин – "крынку", без ручки. В кувшине была жидкость, в которой плавали редкие кусочки соленых огурцов и помидоров. Похлебка противно пахла. Такова была еда, которую Советский Союз не стеснялся давать своим рабочим на обед.

У сестры в руке была ложка, и она жадно глотала эту похлебку. Она сказала, что какой-то рабочий не берет свою обеденную порцию и отдает ее им, таким образом еды перепадает больше.

На лице сестры отразились отчаяние, горе, голод и унижение. Удовлетворив сколько-нибудь свой голод, она накрыла кувшин крышкой и сказала, что остаток отнесет Маечке, которая с нетерпением уже дома ждет.

Нас, приезжих, регистрировали. Потом выдали муку и

соленую рыбу. В первые дни шли сильные дожди, из-за чего мы не могли на дворе разжигать костер и хоть что-нибудь сварить. Мы брали в соседней столовой кипяток, разводили в нем муку и ели эту жижу. От этого потом становилось плохо и тошнило.

Когда дожди перестали, мы разводили костер и варили еду. В одном доме у знакомых латышей мы испекли даже хлеб. В дальнейшем нам запретили у церкви-клуба разводить костер, чтобы не вызвать пожар. Нужно было идти со всем котлом на берег реки и там готовить. Вечерами ходили осматривать Парабель. В конце главной улицы был кинотеатр и небольшой парк. Здесь звучала музыка из громкоговорителя. После мрачной тишины в колхозе нам здесь понравилось.

Однажды в воскресенье мы пошли на рынок, где встретили многих латышей, пришедших продать свои оставшиеся вещи. От них мы узнали, что многие из латышей, с которыми мы вместе приехали на барже, уже умерли.

Однажды утром нам велели собраться на работу. Нужно было перетащить какую-то баржу. Около десяти человек шло вдоль берега, на канате они тащили баржу против течения. Находившиеся на барже гребли. На ходу мы пели любимые латышские песни.

С причаленных барж нужно было выгружать соль. Чаще всего это происходило по ночам. Это была тяжелая и грязная работа, ибо соль сильно намокла. В другой раз нужно было идти за несколько километров за город носить кирпичи. Тут находились большие горы кирпичей, которые мы должны были перенести на расстояние в два километра к берегу реки, чтобы потом их транспортировали дальше на баржах по реке.

Мы перекинули через плечо веревку, связали спереди и сзади петли, в которые поместили кирпичи. Таская эту тяжесть целый день, болела спина и веревка врезалась в плечи. Так как тут были большие трудности с транспортом, эту тяжелую работу пришлось выполнять нам.

После сильных дождей вся дорога превратилась в море

грязи. Почва здесь была глинистая: пока вытащишь одну ногу, другая тут же утопала в грязи. Мы мучительно продвигались вперед. После того, как двести человек помесили эту дорогу ногами, она стала совершенно непроходимой. Издали казалось странным, что люди, высоко поднимая ноги, шагают, таская на спине кирпичи. Особенно трудно было в жаркие дни. Солнце пекло, саднило плечи, и веревка врезалась все глубже. Когда мы после работы добирались до бараков, то тут же, грязные, сваливались спать. Все равно, в какую погоду – в жару или в дождь, – нас гоняли на работу, пока все кирпичи не были перенесены на берег реки.

Затем отделили пятьдесят человек, тех, кто без семей, оставили здесь на временные работы, а остальных назначили для переезда дальше, в Былин, за шестьдесят километров от Парабели – наше будущее место жительства.

ПО ДОРОГЕ НА БЫЛИН

Мы несли свои вещи вниз к берегу реки, где уже причалили баржи. Баржи должны были переправить нас дальше до того места, где нам нужно было ждать парохода. Из-за низкого уровня воды в реке пароход не мог подплыть к нашему причалу. В нашем распоряжении было несколько барж. На первых баржах оказалось много молодежи. У многих были красивые, сильные голоса, и они пели "Вей, ветерок"*. Далеко-далеко уносилась эта мелодия.

Был красивый летний вечер. Быстро мы доехали до цели. Легли спать на песке. На следующее утро мы пошли купаться в реке. Около полудня подошел ожидаемый пароход "Тарас Шевченко". Мы поднялись на пароход, где нам указали места в темных углах и коридорах. Пароход был таким же, как тот, что плыл вместе с нашими баржами по Оби – белый, красивый. Можно было подняться наверх, к отделениям первого класса, откуда, правда, нас прогнали вниз.

* "Вей, ветерок" – латышская народная песня лодочников.

Однажды мы, вся молодежь, поднялись в салон первого класса. Там был рояль. Многие из нас умели играть. Сидя на мягкой мебели в красивом салоне, где всюду стояли пальмы и висели яркие люстры, слушая красивую музыку, мы забыли, где мы находимся. В памяти всплыли картины родины. Боже, как еще хотелось жить!

Некоторые стали кружиться под звуки вальса, но явился кто-то из команды и прогнал нас.

Сидели на палубе и смотрели на берег, дико заросший огромными деревьями. Нигде не видели населенных мест. Закат угасал, тени стали удлиняться. Только далеко на западе еще горел золотистый свет. Чем дальше мы продвигались на северо-восток, тем более дикими становились берега. Поваленные бурей деревья свисали с берега с вершинами в воде, лишь корни торчали, сцепившись в воздухе. Песчаные полосы берега сменялись скалами на обмытых волнами голых береговых склонах. По берегам на необозримую даль раскинулась и шумела своим весенним расцветом тайга, наполняя воздух сладким ароматом смолы.

В северной сибирской тайге растут почти одни сибирские ели, зелень которых осенью осыпается и весной появляется вновь. Вдали можно было разглядеть поднимающуюся широкую полосу багрового пламени, которая извивалась, как огромная змея, сливаясь с густым черным дымом. Там бушевал большой лесной пожар. Вероятно, горела тайга, ибо время было весьма сухое, давно не было дождей. Тайга горит, пока сама не потухнет. Пожар останавливается, когда начинается сильный ливень или огонь натыкается на природное препятствие – реки, озера или уже ранее выгоревшие места. Бывают случаи, когда тайга горит даже все лето, не переставая. Пассажиры рассказывали, что иногда тайга загорается сама собой, от большой жары, или ее поджигают бродяги. В выгоревших местах остаются черные поля с обгоревшими стволами деревьев. Позднее, собирая в лесу ягоды, мы видели такие выгоревшие места. Мне было жаль, что не могла разглядеть этот пожар поближе. Это было бы зрелище, которое редко доводится увидеть.

Поздно вечером пароход причалил у какого-то необитаемого острова, где мы должны были сойти. Никто не мог тогда подумать, что этот одинокий остров станет местом смерти многих латышей.

Там не было ни солнца, ни месяца,
Лишь путь на Роднну, костями усеянный.

НА БЫЛИНЕ

Этот остров, который стал нашим следующим местом жительства, назывался Былин. Он находился на реке Кетье, притоке Оби. Этот остров представлял собой плоскую равнину с несколькими ивами. Только вдали виднелись редкие рощицы. На противоположном берегу была густая тополиная чаща. Берег был из белого песка, заросший зеленой травой. На острове находилось лишь одно строение – сколоченное из досок укрытие с одной стеной и крышей. В этом укрытии нам нужно было устроиться. Еще здесь находились четыре маленькие хибарки. Самая большая из них – недавно построенная рыбная консервная фабрика, которая еще не работала, в других жили рыбаки.

В большой спешке мы покинули пароход. Матросы и носильщики помогли снести тяжелые вещи на берег. Когда я бежала с вещами по пароходу к сходням, я вдруг заметила, что дверь на кухню была открыта. Не знаю зачем, но я вбежала в нее. Может быть, это голод так сработал, но еды никакой там не было. Хотела уже бежать дальше, когда заметила на полке под столом маленькую чугунную сковородку. Она была так нужна! Схватила сковородку, которая была еще горячей и жирной, и кинулась вон из дверей. Спрятав ее под пожитками, я сбежала по сходням вниз. Эта пароходная сковородка, таким нечестным путем приобретенная, сослужила мне огромную службу во время всего пребывания в Сибири, а на большом пароходе ее пропажи никто, вероятно, и не заметил.

Большой пароход прогудел и, пыхтя, уплыл в темноту.

Не видя больше пароходных огней, казалось, что оборвались последние связи с внешним миром. Когда мы разместились в укрытии, нам велели идти за продуктами. К одной будке, где находился склад продуктов и одновременно магазин, вынесли стол и весы для раздачи хлеба и рыбы.

Мы выстроились в длинную очередь. По списку нам выдавали каждому по восемьсот граммов хлеба и полтора килограмма соленой рыбы. Выдача продуктов кончилась около двух часов ночи. Было темно, тихо. Для освещения нам не выдали ничего. Легли спать на мокрую землю, ибо досок найти не смогли. Таким образом, на дворе мы спали в Сибири впервые. Наша дальнейшая судьба рисовалась нам в еще более мрачном свете. Наше положение было таким, как сказал латышский поэт Карлис Скалбе в своем стихотворении о ссыльном:

...Где придется со слезами грызть хлебную корку,
Или голову класть на тюремную полку,
Или в тайге на заиндевелый пень.
И будет лишь одна мысль моей мечтой:
Что дума о Родине станет моей подушкой,
И с ней я снова счастлив буду,
И спать буду сладко, как у матери на руках, –
Даже в смертных муках.

Я легла спать, но сон не приходил. В ушах еще долго звучала фраза, брошенная моряком с парохода: "Их сюда привезли, чтобы сдохнуть!" Неужели его словам суждено сбыться? Мысли плыли над тайгой и Обью к далекой, далекой Родине... Когда я снова туда попаду? Уснула лишь с восходом солнца.

СТРОИТЕЛЬСТВО БАРАКА

Уже в первый день нам сообщили, что нам придется самим строить для себя дом – барак. Он должен быть пример-

но 80 метров длиной и 5 метров шириной и сооружен из дерна. Вкопали столбы и уложили фундамент для постройки. Вспахали слой дерна и разрезали его на четырехугольные куски. Клали на носилки и подносили к стройке. Возводя стену в метр толщиной, куски дерна укладывали один на другой. Все это со временем срослось в один сплошной кусок. На месте окон и дверей оставили отверстия. Когда ближайший дерн был использован, вспахали новые слои, подальше. Так что носить стало трудней.

От плохого питания мы очень ослабли. Когда нам давали короткие минуты отдыха, мы от усталости сразу засыпали. Строительными работами руководили русские бригадиры. Работали с раннего утра до позднего вечера. После работы приходилось еще выстаивать длинную очередь за хлебом. Паек вскоре уменьшили до шестисот граммов. Детям и старикам давали по четыреста граммов. Мы получали еще один килограмм соли в месяц.

В ночь праздника Лиго (Ивана Купалы) мы собрались на пригорке, подальше от барака, и разожгли большой костер. Здесь собралась почти вся наша молодежь – около пятидесяти человек. Уселись вокруг костра и пели латышские народные песни. Один юноша открыл вечер Лиго красивым вступительным словом. Среди нас была одна старая женщина, участница многих традиционнных латышских Праздников Песни. Она мягким голосом спела песню "Родина" и кантату композитора Витола "Отечеству", что нас очень тронуло. Голос ее был еще сильным и звонким. И песни, спетые нами, звучали ярко и уносились далеко, ибо у многих были красивые голоса.

Так мы провели вечер Лиго с песнями и воспоминаниями, пока наш костер не погас.

Часто стали лить проливные дожди, и вода потекла через крышу нашего барака. Наша одежда промокала. Нередко ночью просыпались от струй воды, лившихся нам на головы. С утра вся лужайка у барака была уложена сушившейся на солнце одеждой. Случалось, что дождь не переставал

неделями, и тогда одежда не просыхала, и наши последние оставшиеся вещи начинали портиться от сырости.

В жаркое время, когда мошкара и комары очень донимали, мы забирались спать на крышу, где было прохладнее. Вечерами ходили купаться на реку.

Здесь нас было 200 латышей и 100 бессарабов. Бессарабы в большинстве были деревенские и этим походили на местных русских.

Так как здесь было много маленьких детей, то матери обратились к начальству с просьбой поместить детей в какое-нибудь закрытое помещение, ибо на мокрой земле во время дождей многие заболевали. Из одной избы выселили рыбаков и поместили туда матерей с детьми. В дождливое время я часто ходила туда переспать под какими-нибудь нарами. Для детей выдали муку, из которой готовили для обеда мучную кашу.

В первые дни после нашего приезда умер один маленький мальчик Ф. М. Одна бывшая учительница произнесла короткую религиозную речь, потом мы спели несколько духовных песен. Мальчика уложили в примитивно сделанный деревянный гробик и похоронили недалеко от барака.

Те, у кого еще сохранились какие-нибудь продукты, могли еще кое-как просуществовать, у кого же не было ничего, их положение было незавидным. Мы оборвали всю траву – песчанку, мокричник и крапиву – и варили из нее еду. Во всей округе уже было трудно найти съедобную траву.

В памяти сохранилась картина, отразившая самый большой голод. Когда по месячной норме нам выдали рыбу, никто костей не выбрасывал, их сохраняли, высушивали и съедали. Однажды Маечка сидела одна у костра. На сковородке, поставленной на два кирпича, лежала пара рыбных косточек. Она их заботливо переворачивала с одной стороны на другую, чтобы они скорее высохли. Не в силах дождаться, она брала более подсушенные и съедала. Сложив ручки на коленях, в лохмотьях, немытая, она там сидела и с нетерпением ждала, чтобы можно было положить себе в рот что-нибудь съестное.

В ЛЕС ЗА БЕРЕЗОВОЙ КОРОЙ

Восьмерых, в том числе и меня, отправили в лес драть березовую кору для крыши барака. Получив пайки на несколько дней, мы отплыли на лодке от Былина. Мы плыли по Кетье вниз. Вылезали в нескольких местах искать кору, но там не было хороших, толстых берез. Берега обросли большими деревьями. Во многих местах мы видели мяту, которую мы заварили в чай. Наконец в одном месте можно было разглядеть большие, пышные березы. Тут мы нарезали много красивых полос, связали, погрузили в лодку и поплыли дальше.

Русские, живя здесь многие годы в бедности и в нужде, научились употреблять с пользой многое из природы. Березовая кора им пригодилась для многих нужд: для покрытия крыш, изготовления посуды, строительства лодок, для изготовления домашней утвари, даже для изготовления лаптей. Сибирские рыбаки, плавая в своих лодчонках из березовой коры, ловко и смело водили свои "ореховые скорлупки" по мощному течению рек. Их лодчонки из сухой березовой коры и обшитые тонкими березовыми веточками были не тяжелее восьми килограммов, но выдерживали тяжесть самого рыбака и нескольких пудов наловленной рыбы. Такие лодки были важнейшим орудием труда местных рыбаков и охотников. Человек переносил их на спине с одного места на другое, по необходимости на те озера и реки, где они рыбачили и охотились. Мы видели также маленькие лодки, выдолбленные из стволов деревьев.

Некоторые места, где мы высаживались на берег, выглядели так, будто человеческая нога здесь еще не ступала. Мы натыкались на огромные, толстые деревья, тополя и густые кусты. Через густые-густые вершины невозможно разглядеть дневной свет. Белочки спокойно прыгали с ветки на ветку и кидали на землю орешки. То тут, то там раздавался крик бурундука. Местами росли и красиво цвели кусты лесной розы. Все кругом было тихо. Даже не слышно пения птиц.

Мы вернулись домой оборванными, ибо, когда продирались через густые заросли кустов, наша одежда порвалась. И все же в поездке мы чувствовали себя гораздо лучше, чем на Былине, таская дерн и возводя барак.

РАБОТА В ЛЕСУ В ОКРУЖЕНИИ КОМАРОВ

Только вернулись с заготовок березовой коры, как нас тут же послали снова в тайгу на заготовку досок для лыж. После нескольких часов плавания на лодке мы сошли на лесистый берег и после пешего перехода в несколько километров попали в указанное нам место в тайге. Здесь лежали большие кучи досок, и тут же поблизости варился в котле деготь. Рядом протекала речка, через которую был перекинут узкий мостик. Нам нужно было брать доску, намочить оба ее конца в котле с дегтем, перенести через речку на другой берег и там складывать их в поленницы так, чтобы просмоленные концы поскорее высохли. Доски были тяжелые, еще полные воды, ибо были недавно спилены и сплавлены сюда по речке. Мостки стали скользкими от зеленоватой воды, и часто, поскользнувшись, мы сваливались в речку. Но и в мокрой одежде мы продолжали работать. Было очень жарко, и комары кусали безжалостно. Комаров и мошек было так много, что никто, кто в тайге сам не побывал, не может себе этого даже представить. Мы надевали на головы защитные сетки, без которых навязчивые таежные пискуны неодолимы. Чтобы их отпугивать, сетки смачивают в мазуте. И у меня была сетка, но, несмотря на это, все лицо было искусано и покрылось пятнами.

Вечером, измученные и искусанные, мы ехали домой. Солнце село в тайгу, и тихие тени деревьев, казалось, растворялись в звенящих комариных тучах.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ СОВЕТСКОГО РАБОЧЕГО НАДЗИРАТЕЛЯ

У новой консервной фабрики установили механическую пилу для распилки дранки для покрытия крыши. При ней работали четыре человека. Только дранка была распилена, ее тут же несли наверх на крышу, где мы ее прибивали маленькими гвоздиками к перекрытиям. Сначала эта работа показалась приятной, но ко времени обеда, когда солнце сильно палило, мы едва могли это выдержать. Чем дальше мы поднимались к вершине крыши, тем было труднее: голова кружилась смотреть по сторонам. Вскоре крыша была вся обита дранкой. Строительство нашего барака близилось к концу.

Тяжело становилось на душе от мыслей о предстоящей зиме, которую придется провести в этой землянке. Привезли доски, из которых мы сами настелили полы. Барак был спроектирован из одной большой и шести небольших комнат.

Барак был еще недостроен, когда на Былин приехал начальник Военторга Сдобников. Он считался главным нашим руководителем, ибо мы были мобилизованы и прикреплены к этой организации.

Начальник сказал, чтобы мы работали поэнергичней, иначе нам негде будет зимой жить, ибо он нам другого жилья давать не намерен. Кроме того, он сказал, что мы съели слишком много продуктов. В дальнейшем поставят большие весы, выкопанный дерн будут взвешивать, и таким образом установят норму, сколько каждому нужно будет его перенести. К счастью, эту угрозу не выполнили. Он всех нас вызывал по именам, чтобы убедиться, что никто не убежал. Особенно некрасивые замечания он отпускал по поводу тех, у кого одежда была особенно рваной. Как будто те сами были виноваты в том, что эти подлецы вогнали нас в такое положение.

ДОХЛАЯ ЛОШАДЬ И ТРАПЕЗА НА БЕРЕГУ

Однажды утром мне бригадир приказал идти косить траву. Это был заболоченный луг, где росла высокая, жесткая трава. Она доходила до пояса. Эту траву позднее нужно было связывать в длинные жгуты и зимой утеплять ими окна, чтобы уберечься от холода. Луг находился на речном берегу. Так как я не умела косить, то загребала граблями и связывала траву в снопы, которые на телеге увозили к бараку.

Во время обеда, спустившись к реке за водой для чая, мы увидели выброшенный волной труп утонувшей лошади. Он вздулся и был большим и толстым. Те, которые уже жили впроголодь, решили эту лошадь кушать. Долго не думая, ножами вырезали лучшие куски. Мясо мелко нарезали и поставили варить в котелках. Мясо только чуть обварилось, как голодные люди уже кинулись и жадно стали рвать его зубами. Хоть мне тоже очень хотелось есть, но я все же не могла положить себе в рот это отвратительное, зеленоватое лошадиное мясо. Мне стало дурно, и я отошла в сторону.

От недоедания и плохого питания на теле появились большие нарывы. Больные сидели на солнце, как прокаженные, ослабевшие, грязные и одолеваемые вшами. Работать они не могли, ибо нарывы очень болели. Гной прилипал к одежде и присыхал так, что ее даже не могли снимать. Врачебной помощи не было никакой.

ПОЕЗДКА ПО ЯГОДЫ

Так как на Былине для всех не было достаточно работы, то часть послали на несколько дней собирать черную смородину. По притоку Кетьи мы выехали в большое озеро, пристали и вышли на берег. Уже с берега можно было видеть огромный "лес" кустов черной смородины. Мы выстроились в ряд и двинулись к этому "лесу". Здесь росли такие большие и пышные кусты черной смородины, что они поднимались высоко над нашими головами. Ягоды были очень большие и

сладкие. За короткое, но жаркое сибирское лето они хорошо поспели.

Основательно наевшись сладких ягод, которые уже сами валились с веток, мы наполняли наши корзинки из березовой коры и ссыпали все в большие бочки, которые отправляли в города для дальнейшей обработки. Ночь провели на берегу, где мы из ветвей возвели сооружение, похожее на палатку. У входа в эту палатку-шалаш мы развели костер, чтобы было тепло и комары не кусали. С утра отправились дальше в лес. Мы дошли до берега какой-то речки, где набрели на рыбачью избу. Рыбаки нам кинули несколько рыбин, которые мы испекли. После обеда мы отправились назад на Былин, но сбились с пути и заблудились. Приближался вечер. Река разделялась на несколько рукавов. Плывя против течения, мы продвигались очень медленно. Иногда приходилось вылезать на берег и волочить лодку. Нечаянно мы въехали в покинутую рыбаками сеть. Лишь порвав ее, мы с большим трудом выбрались и поспешно двинулись прочь, чтобы рыбаки нас не заметили.

Стало уже смеркаться, а мы все еще скользили вперед. Пришлось снова вылезать и тащить лодку. Внезапно берег стал крутым и глинистым. Дождь размочил глину, и она стала как мягкая каша. Ноги утопали в мягкой глине по колено, и мы совершенно не продвигались вперед. Стал лить дождь. Мы устали, проголодались и мечтали только передохнуть. Когда мы наконец достигли берега с высокой травой, то пристали на ночлег. Среди ночи стало сильно лить. Дождь промочил нас до костей. Утром нашли нашу дорожную метку – на колышке прикрепленный кусок белой березовой коры, по которой мы уже легко нашли дорогу. Через несколько часов достигли нашего острова.

ПОЕЗДКА ЗА ОРЕХАМИ

Примерно через неделю нас послали собирать орехи в отдаленное место – за тридцать километров. Я порадовалась,

что смогу снова куда-то поехать и что-то увидеть. Уже с вечера нам выдали хлеб на несколько дней, чтобы рано утром мы могли выехать. В четыре часа утра на большой лодке-"наводнике" мы отплыли от Былина.

На лодке нас было пятьдесят человек. Лодка была большая и тяжелая. Так как у нас не было буксира, то нам надо было попеременно – по шесть пар – грести. В Инкине, в десяти километрах от Былина, мы вышли, чтобы дождаться парохода и плыть дальше.

После полуночи, пыхтя, подошел "Пожарский". Отправились в путь и уже утром рано на высоком, крутом берегу увидели городок Колпашов, где мы и сошли. Ночь провели на пристани. На следующее утро за нашими вещами приехала подвода. Мы шагали сзади. Орешник находился еще в пятидесяти километрах отсюда.

Недалеко от Колпашова были большие картофельные поля, на которых мы наполнили наши мешочки. Около полудня мы развели костер и стали варить или жарить ворованную картошку. Так долго прожив без нее, мы нашли ее очень вкусной.

Дорога шла через болото и представляла собой покрытие из связанных бревен и ветвей, так что она качалась, когда по ней шли. В селе Павломышк нам удалось купить молока. Не доходя до следующей деревни, Белтаево, мы снова отправились на колхозное картофельное поле, но на этот раз нам не повезло. Явился сторож и отвел нас в правление колхоза и заставил там высыпать всю собранную картошку, пригрозив, что в следующий раз нас накажут. После этой неудачи мы постарались поскорее выбраться из этих мест. По дороге часто попадалось много кустов малины, где мы наедались крупных, сладких ягод. К вечеру мы добрались до какой-то деревни на краю леса. Некоторые остались в деревне, но мы, остальные, отправились ночевать на природе. Разложили большие костры, уселись кругом, пекли картофель и орехи, рассказывали разные случаи и истории.

На следующий день, около полудня, мы добрались до места назначения. Одна часть из нас расположилась в какой-

то пустой избе, а остальные разместились у русских. Мы, шестеро, договорились ночевать у одной русской женщины, у которой была одна большая комната.

На другой день нас разделили на бригады и послали в лес. В каждой бригаде было по десять человек. В ближайших лесах орехи были уже обобраны, и нам пришлось отправиться в отдаленный лес за восемь километров. Войдя на какие-нибудь четыре километра в глубь леса, мы выбрали место, где устроили лагерь. На срубленных ветвях устроили свои спальные места. Недалеко было большое болото, откуда мы начерпали желтой воды для чая. По очереди одного оставили дежурить у костра и собранных орехов, а другим надо было идти еще глубже в лес.

Большой тяжелой деревянной колотушкой, сделанной из сырой древесины, стучали по стволу кедра, и от этих сильных ударов с ветвей на землю падало множество орехов, которые мы собирали в большие корзины из березовой коры и уносили в свой лагерь.

Орехов мы могли есть сколько хотели. Они были особенно вкусными обжаренные на сковороде. Вечером в лагере мы поджаривали орехи и пекли картошку, которую накопали на картофельном поле у лесной опушки.

Однажды после сильного ливня мы не хотели спать на сырой земле и отправились на ночлег в ближайшую деревню. Недалеко от въезда в деревню была небольшая маслобойня, где нам дали попить молочной сыворотки. Мы выпили много, ибо очень страдали от жажды.

За орехами приходилось идти все глубже и глубже в большой лес. В одном месте мы увидели большую яму, на дне которой был накидан мох и видны были свежие следы и навоз. Это мы набрели на медвежью берлогу. К счастью, медведей самих там не оказалось. Сбор орехов здесь был делом небезопасным, поэтому мы постарались вернуться поскорее в лагерь.

У нашего лагеря бригадиры устроили примитивную орехосушилку. Вырыли продолговатую яму в длину человеческого роста и через нее перекинули толстую металлическую

мелкую сетку. В яме развели огонь, а на сетку насыпали орехов, которые помешивали деревянными лопатками. Орехи предварительно выбивали колотушками из шишек. На медленном, равномерном огне они высыхали. Высушенные орехи ссыпали в мешки и отправляли в города, где из них выжимали высококачественное ореховое масло. Когда мы выполнили свою норму, мы снова отправились в деревню. Там нас на следующее утро поставили выбивать орехи из шишек, которые собрали другие бригады.

Приспособление для выбивания было следующим: на деревянную скамью с выдолбленной выемкой посередине, куда кладут кедровую шишку, садятся на одном краю и деревянным катком с насечкой, каким в деревне белье стирают, бьют и трут шишку, пока ее чешуйки отваливаются и падают на землю, а орешки остаются в выемке. Их затем ссыпают в общую посудину.

После этой работы меня и еще других послали на лодке собирать по берегам реки сухие дрова, чтобы истопить баню, ибо мы долгое время не были в бане.

Вечерами госпожа М. рассказывала различные интересные истории и пела оперные арии.

Мы почувствовали, что расстроились, когда нам сообщили, что надо ехать назад на Былин. После мрачной жизни на острове время, проведенное здесь, казалось очень приятным. Мы были также не такими голодными, как там, ибо досыта наедались маслянистых орехов, картошки и других вкусных вещей.

ДОРОГА НА БЫЛИН ПО ОБИ

Обратный путь на Былин нужно было проделывать на лодках: это был порядочный путь. По маленькому притоку мы выехали в широкую Обь. Был уже вечер. Небо стало пасмурным, зарокотал гром, и пошел дождь. Постепенно усиливался ветер. Внезапно началась буря, стало темно. Мы, к несчастью, находились на широком месте Оби, где с высо-

ких берегов в реку свалились огромные вырванные бурей деревья. Во многих местах были видны верхушки сваленных в воду деревьев, торчавшие из воды. На Оби поднялась сильная волна. Ветер кидал нашу маленькую, полную людей лодку так, что над водой остался лишь узкий краешек. Лодка поднималась вверх и утопала в больших волнах. Нас несло к крутому берегу, но мы не могли там причалить. Немного дальше на другом берегу виднелся более низкий берег. Там мы увидели луг со стогами сена. Недалеко от нас находилась ветвистая верхушка затонувшего дерева, еле высунувшаяся из воды. Мы хотели провести лодку стороной, но на большом ветру не смогли, казалось, что вот-вот наша лодка накренится и перевернется. Тогда один ловкий парень веслом затормозил быстрый ход лодки. С трудом оттолкнулись от ствола дерева и погребли к другому берегу, что было очень трудно. Сильно лил дождь, волны хлестали через борт лодки. Напрягши последние силы, мы причалили к низкому берегу. Промокли до нитки.

В больших копнах сена мы вырыли норы и забрались туда для ночлега. Только мы выбрались на берег, как буря стала еще сильней. Никогда не забуду этой страшной ночи. Широкая Обь волновалась со всей своей мощью. Старые, огромные деревья изгибались. Казалось, они сейчас опрокинутся в реку. Гром гремел, и между его раскатами ярко вспыхивали огненные полосы молний.

С утра буря притихла, и река стала успокаиваться. Мы сели в лодку и продолжили путь. Вскоре мы из Оби выехали в ее приток. Нас поразили берега с красивым белым песком. То тут, то там были видны бедные рыбацкие хижины. Вечером наши лодки пристали у Бьлина. Во время нашего отсутствия сюда привезли тех сто латышей, которые оставались в Парабели. Они себе устроили из простыней палатки, где проводили ночь.

ЗА БРУСНИКОЙ

Подошло время ягод. Поехали на какое-то место за сто километров. Плыли день и ночь. Попали в маленькую деревню Зайкино, где нас поместили в пустой клуб. Здесь мы провели неделю. Выданный на дорогу хлеб мы уже съели. Ходили по домам просить, чтобы дали что-нибудь поесть. В одном месте нам дали трухлявую репу, от чего стало тошнить. Многие отправлялись по ночам "чистить" огороды и приносили овощи и картошку. Несколько дней нас заставили в колхозе собирать картофель. В эти дни мы были сыты и еще немного заработали.

Наконец можно было отправляться в лес, там в двадцати километрах от деревни находились бараки. Здесь мы застали других латышей из Былина. Лес был большой и красивый – напоминал леса на Рижском взморье. Наш барак был без крыши, только кое-где свисали куски сгнивших досок. Вместо окон зияли квадратные отверстия. Вместо пола была утрамбованная земля. Все здесь было запущено до крайности, никто и иичего никогда не чинил. Наши латыши уже устроились на старых нарах, а нам же пришлось ночевать на холодном земляном полу, который был еще мокрым от дождей. На следующий день нас, вновь прибывших, отправили дальше в лес, ибо поблизости ягоды уже были обобраны, а ранее прибывших отправили обратно на Былин. В их числе была и моя мать с сестрами. Мне разрешили самой выбрать. Я решила остаться в лесу, ибо больше хотелось поесть вдоволь сладкой брусники, чем на Былине делать какую-нибудь бесполезную работу.

Я встретила сестер, а маму не видела. Сестры рассказали, что мама ведет себя не совсем нормально. Однажды она вернулась со сбора ягод, ничего не собрав, уселась у костра и стала что-то бессвязно говорить и кричать. Она вообще стала говорить бессвязно. Почти все ее тело отекло, а лицо сильно опухло. От этого многие на Былине умерли. Я хотела повидать маму, но она ушла в лес по ягоды. Так как настало время отправляться в путь, я не могла больше задерживаться.

Через десять километров пути мы добрались до места. По дороге пошел дождь со снегом. Совершенно промокли. Разложили костер и сушили одежду. Здесь были два небольших барака, лучше чем предыдущий – у этих хоть были крыши. Вычистили грязь и устроили место для ночлега.

Каждому нужно было собрать тридцать литров брусники. Это была дневная норма, чтобы получить шестьсот граммов хлеба. Собранные ягоды ссыпали в бочки и отправляли в города. Сначала норму выполнить было возможно, ибо поблизости было много ягод и их никто здесь не собирал. Позднее, когда нужно было идти подальше, норму выполнить стало невозможно. Вечерами, когда сдавали собранные ягоды, мы оставляли часть себе на ужин. Мы их насыпали в котелок сухими и варили, пока не получалось сладкое варенье. Ягоды здесь были особенно крупные и сладкие. Такие я никогда не ела в Латвии. У многих были с собой ведра и другая посуда, и они наварили варенье, чтобы взять с собой на Былин.

Вечерами мы раскладывали большой костер по примеру русских. Два больших, толстых бревна укладывали рядом, оставляя между ними большое пространство. Их поднимали на какую-нибудь пядь над землей и оба конца укладывали на вбитые в землю подставки. Под ними во всю длину бревен подкладывали ветки и хворост и разводили большой костер, такой, чтобы загорелись бревна, которые горели до утра, давая много тепла. Вечерами мы подолгу сидели вокруг костра.

Приближалась зима, но мы еще находились в лесу. Стало уже холодно. Пошел снег. Ночами стоял сильный мороз. Ночью мы очень мерзли, ибо были плохо одеты. Мы уже беспокоились, как попасть на Былин. Но так как ягоды были уже все обобраны, нас отпустили домой.

За нами приехала подвода, в которую мы сложили вещи. Снега навалило за ночь сантиметров пять. В это утро мороз был сильнее, чем в предыдущие дни. На многих были надеты лохмотья, а ноги босые. Спотыкаясь и падая, мы бежали за подводой. Дорога была плохая, местами на ней образовались большие лужи от растаявшего снега. У меня на ногах

были совершенно худые боты, так что ступни были почти голые. Я обмотала ноги тряпками, которые тут же совершенно намокли.

Замерзшие и голодные, мы к вечеру добрались до Зайкино. Клуб, в котором мы ночевали в прошлый раз, был закрыт, и нас туда не пустили. Был уже поздний вечер, и мы пошли проситься на ночлег по домам, но никто не хотел пускать таких оборванцев. Некоторым удалось переночевать в каком-то доме, но другие вынуждены были оставаться на ночь на берегу реки, забравшись под перевернутые лодки.

НА ЛОДКЕ ДО БЫЛИНА

Из Былина нам навстречу были посланы две большие лодки, в которые мы поместились все – около пятидесяти человек. Двигались мы с трудом, против течения. К вечеру пошел снег и задул холодный, резкий ветер. В пути мы часто менялись за веслами, чтобы согреваться. Лодки были переполнены людьми и вещами. Жутко мерзли. Поджав ноги под себя, я сидела на вещах. Не было перчаток, и я не могла пошевелить пальцами – так они у меня закоченели. Замерзли и ноги. Был октябрь, и река уже собиралась замерзнуть.

В темноте подошли к небольшому деревообрабатывающему заводу Копыловка, который был освещен. Прозвучала сирена, оповещая об окончании рабочего дня. Рабочие спешили по домам. Сюда мы причалили ненадолго, ибо тут жил один из наших бригадиров. Через несколько километров мы снова причалили и вышли на берег. Здесь стоял пустой барак, где мы могли переночевать. Мы затопили плиту и обогревались. И снаружи, на берегу, разложили костер, ибо всем в комнате у плиты не оказалось места. Барак был маленький, и нам пришлось изрядно потесниться, чтобы всем нашлось место прикорнуть. Некоторые лежали, другие сидели и даже стояли. За ночь мы отогрелись, и утром не хотелось вставать. Впереди оставалась меньшая часть пути.

Разместились снова в лодках, которые за ночь сильно обледенели, и продолжили путь. Руки прилипали к обледеневшим веслам и кровоточили, когда мы отрывали их от весел. Очень медленно мы продвигались вперед, ибо сильный резкий ветер дул нам навстречу и гнал нас по течению назад. Порой даже казалось, что мы стоим на месте. Не помогало и то, что нас было восемь гребцов. Чем ближе мы продвигались к Былину, тем больше мы уставали. В некоторых местах, где берег был получше, те, у кого была сносная обувь, вылезали на берег, к лодкам привязывали длинную веревку, за которую они ее тащили, а гребцы в лодках помогали веслами. Мы напоминали прежних волжских бурлаков. Снег уже валил крупными хлопьями, и землю покрывал все более толстый снежный покров. Снег ложился и на наши лохмотья. Они намокли, и мы жестоко мерзли. Мы тащили лодки, сильно напрягаясь, и так отогревались. Начался крутой берег, и нужно было всем забираться в лодки и ехать дальше. К вечеру мы так замерзли, что не могли двигаться. Мы вылезли на берег и пошли берегом к Былину. В лодках остались лишь гребцы. Река по берегам стала затягиваться тонким слоем льда. Казалось, наши лодки вмерзнут в лед.

Былин был уже недалеко, мы уже могли разглядеть наш барак. Лодки перевезли нас через приток на остров. Как раз 15 октября мы прибыли на Былин.

ВСЕ ПРИНАДЛЕЖИТ СОВЕТСКОМУ "НАРОДУ" И НИЧЕГО САМОМУ

Перед нами стоял построенный длинный барак. Вскоре и наши лодки причалили. Мы взяли свои вещи и хотели нести их в барак, но подошли начальники, бригадиры и осмотрели наши вещи. У тех, у кого было варенье в ведрах и кадушках, его отобрали, чтобы самим "господам" было что есть. Некоторые все же успели спасти свое и отнести в барак. Но у большинства варенье было отнято, хотя ничего не было заранее сказано о том, что нельзя варить варенье для себя.

Это самоуправство и грабеж вызвали большое возмущение. Многие взяли палки и стали нападать на бригадиров. В лохмотьях, оборванные и ослабевшие люди дрались с сильными, здоровыми русскими. Одна бабушка крепко прижимала к груди маленькую кадушечку из березовой коры с вареньем и хотела незаметно пронести ее в барак. Внезапно к ней подбежал один русский и стал вырывать кадушечку у нее из рук. Она всеми силами сопротивлялась и просила, но ничто не помогало. Они разорвали на ней последние лохмотья, швырнули ее на землю, а маленькую кадушечку забрали. Падая, она так сильно ушибла спину и голову, что не могла больше подняться. Мужчины отнесли ее в барак, где от сильного сотрясения мозга через неделю она умерла.

За время нашего отсутствия примерно сто латышей было отослано в Колпашов, между ними моя мама и сестры. Бессарабов тоже больше не было. Для такого числа людей здесь не было работы, поэтому их вычеркнули из списков мобилизованных. Как писали из Колпашова, некоторые уже устроились там в более человеческих условиях, и они уговаривали нас тоже бежать из Былина поскорей.

ЗИМА НА БЫЛИНЕ

Сначала нас поместили в одно из больших помещений барака, где нас было более двадцати человек. Наш барак напоминал ласточкино гнездо, слепленное из глины. Во время больших дождей крыша на одном краю барака провалилась, и глиняная жижа лилась на голову. Пришлось несколько раз ее чинить. Стены были толстые и холод не пропускали. Даже двери были плотными, зато окна были без стекол. Вместо стекол были вделаны белые простыни, поэтому в помещениях царила полутьма.

В середине комнаты стояла большая русская печь. Мы спали на деревянных нарах. Столов и стульев, естественно, не было. На удивление, даже баня была построена на берегу реки. От голода и нечистоты в белье завелись вши. Мы выно-

сили на ночь белье на мороз, но, когда стали пропадать вещи, мы перестали их выносить.

Из-за нехватки дров мы топили баню только раз в две недели. Однажды нас отправили на работу. С другого берега реки нужно было носить балки для строительства ледника. Была установлена норма, по которой нам выдавали хлеб. В обед мы спешили в барак, где была организована выдача супа. Его варили на кухне у барака. На самом деле супом это нельзя было назвать. Это были теплые ополоски с кусочками рыбы. Сначала в котле варили рыбу, а затем этот бульон заваривали мукой. Продуктовая дневная норма на человека – пятьдесят граммов муки.

Чтобы получить этот суп, нужно было выстоять длинную очередь на улице у дверей кухни. На таком питании мы прожили три месяца.

В большом барачном помещении меня ночью обворовали. Украли оставшиеся у меня золотые драгоценности и лучшую одежду; все это позднее было продано.

Наш руководитель нашел нам новое занятие. На другом берегу реки стояла вытащенная из глубины старая баржа. Она была построена из крепкого дерева и сбита большими гвоздями. Начальству понадобились гвозди, и нам велели их из баржи достать. Щипцами вытащить их было невозможно, а баржу расколоть им не пришло в голову, поэтому они надумали баржу сжечь, чтобы добраться до гвоздей. Нам велели из лесу принести дрова, уложить их около баржи и поджечь. Поблизости не было большого леса, и дрова здесь были большой редкостью. Дрова, которые нам сейчас велели нести к барже, мы собирали осенью по воскресеньям и сложили в поленницы, чтобы зимой отапливаться. Теперь все наши старания пошли прахом из-за старых гвоздей, которые, обгорев, все равно ни для чего не были пригодны. Нам же зимой нечем было топить.

Когда мы отказались нести эти дрова, начальник сказал, что нам не дадут хлеба и супа. Один день мы просидели в комнате, но голод взял верх, и мы были вынуждены работать. И тут была установлена норма: сколько каждому перенести

дров. С этим делом мы провозились целый месяц, пока все дрова не были сожжены и гвозди добыты.

Приехали русские вязальщики корзин. Им нужно было помещение, поэтому нас из большой комнаты перевели в меньшую, где нас было одиннадцать человек. Здесь было лучше. Стоял уже декабрь. Мороз крепчал с каждым днем. Дрова достать было очень трудно, и нужно было отправляться очень далеко, чтобы их найти. Принеся, мы укладывали их у дверей нашей комнаты, но другие ночью все дрова крали.

Каждое утро, в семь часов, нас будил колокол. Колоколом служил подвешенный к столбу лемех плуга. Звонили так же к обеду.

ВОДЯНКА, ГОЛОДНАЯ СМЕРТЬ И ОТЧАЯНИЕ

В Былине уже раньше начался голод. Естественно, никому не хватало того небольшого пайка, который выдавали. У кого еще сохранилось что-нибудь получше из одежды, те шли по воскресеньям в ближайшую деревню обменивать это на продукты. Некоторые, самые голодные, шли искать по свалкам картофельную шелуху, чтобы варить ее и есть.

Некоторые женщины заболели: опухли и умерли. На одной неделе было пять смертей. Опухоль начиналась от голода, от плохой пищи и холода. Она начиналась с ног, затем поднималась на среднюю и верхнюю части тела. Наконец опухало лицо до неузнаваемости. Эта болезнь – водянка – разрушала также и мозг, ибо речь становилась бессвязной и действия бессмысленными. Тело становилось желтым, как воск, как у покойника. Большинство людей на Былине умирало от водянки. Начиная с декабря не проходила и неделя, чтобы кто-нибудь не умер. Утром мы вставали и гадали – чья очередь теперь?

В декабре я узнала от латышей из Колпашова, что мать моя умерла 17 октября от водянки в колпашовской больнице. У меня была такая апатия, что это известие я встретила почти безразлично. Ее смерти я не удивилась, ибо осенью, в

лесу по ягоды, она была уже очень опухшей. Мне рассказали, что мать с сестрами шла по улице, когда она вдруг не смогла больше двигаться и упала. Ее тогда на телеге отвезли в больницу, где она этой же ночью, не придя в сознание, умерла.

Однажды и я пошла вместе с другими в деревню, но позже об этом пожалела, ибо едва смогла вернуться. Мы вышли в воскресенье утром. Путь шел по реке и кое-где по берегу реки. До деревни было двенадцать километров по прямой – по реке. Недалеко от Былина была рыбацкая хижина, где рыбаки нас угощали мерзлой рыбой, которую и они ели. Замерзшую рыбу режут на мелкие ломтики и едят маленькими кусочками, закусывая хлебом. Это была хорошая еда, лишь для зубов непривычно холодная. Особенно вкусной была жирная сибирская стерлядь, самая дорогая рыба, без мелких костей. Вкус ее был особый, как и вид этой рыбы. Она была темно-серой, небольшой, с мелкими острыми плавниками на спине. Когда из нее варили суп, то в большом котле на поверхности плавал толстый слой жира.

Деревня была небольшая и бедная. Нигде мы не получили еды. В одном месте нам дали мисочку с мороженой капустой. Другие даже собак на нас напускали.

Опустился уже вечер, когда мы отправились в обратный путь. Пошел снег, и быстро стемнело. У рыбацкой избы во льду были проруби. Нужно было идти очень осторожно, чтобы не провалиться. Снег быстро покрыл лед. В темноте трудно было разглядеть отверстия. В руках у нас были палки, которыми мы прощупывали дорогу. Осторожно, с большим страхом мы пробирались между прорубями, пока прошли этот опасный участок дороги.

Очень усталыми, еле волоча ноги, мы приплелись на Былин. Позднее мы узнали, что одна латышка шла одна, упала в прорубь и утонула.

СТРОИТЕЛЬСТВО ЛЕДНИКА

Уже летом был построен двухэтажный дом, в котором предполагалось открыть рыбоконсервную фабрику. Поэтому сейчас нужно было рядом строить ледник. Все это происходило без предварительного плана и продуманной организации. Оградили место забором. Это место надо было наполнить льдом, чтобы получилось нечто вроде ледника. Лед привозили сюда на санях, выгружали за ограду и сверху заливали водой, чтобы все смерзлось в одну глыбу.

Начались большие морозы, настоящие сибирские морозы. Одежда у всех у нас была очень бедной. Вместо перчаток руки были обмотаны тряпками, которые во время работы рвались. На ногах сплетенные из березовой коры лапти. Одежду за все это время не выдавали, а своя уже вся изорвалась. Все были замерзшими и голодными.

Так, не обеспеченные необходимым, мы работали со льдом и водой на строительстве ледника в пятидесятиградусный мороз. Одни раскалывали и разрезали ледяные глыбы на более мелкие куски, которые можно было уложить на сани, другие возили эти большие сани со льдом, сами впрягаясь в них вместо лошадей. Тащить сани разрешалось не более чем четырем рабочим. Пруд был довольно далеко, и сначала дорога была тяжелой. Потом, когда она стала наезженной, стало легче тащить сани. Привезенный лед мы выгружали за ограду. Другие носили воду и возили бочки с водой, заливали лед.

Меня назначили на самую мокрую работу: я черпала из бочек воду и заливала лед. Ведра были тяжелыми, ибо они обмерзли толстым слоем льда. Ноги в старых ботах скользили по льду, и я часто падала, обливаясь холодной водой. Сшитые из старых тряпок варежки намокали и примерзали к ручке ведра. Когда я их оторвала, половина варежки осталась на ведре. Не было больше тряпок, чтобы сшить новые. Намокшие ноги безжалостно мерзли. К обеду я так перемерзла, что, вбежав в барак, кинулась растирать руки и ноги снегом, чтобы их оживить. Они стали сине-красными. Лишь че-

рез несколько лет этот неприятный цвет сошел. Я обморозила также и лицо, особенно нос. Это продолжалось каждый день с утра до вечера.

Отдыхать много не давали. Бригадир стоял тут же, выкрикивал приказы и записывал, как кто работал. Кто больше не мог и отдыхал, тому вечером хлеба не давали. Производственные нормы были очень большие, чтобы можно было выдавать меньше хлеба.

Вечером мы, застывшие от холода, стояли в длинной очереди за хлебом. Часто бывало и так, что хлеба было испечено недостаточно. Многим не хватало, чем заморить голод. Даже самые энергичные работники с удивлением получали лишь по 400 граммов хлеба в день. У хлебного раздатчика был список, сколько хлеба каждому разрешалось выдавать.

КУЛАК ПОМОГАЕТ ОТВОЕВАТЬ ХЛЕБНЫЙ ПАЕК

Начальство самым бессовестным образом отбирало полагающийся хлеб, завышая нормы выработки. Это стало непереносимым. Однажды утром, когда приехал наш главный начальник, мы собрались у конторы и ждали его выхода, чтобы пожаловаться на невыносимые условия. Он появился и стал зло кричать на нас: почему мы не работаем. Мы сказали, чтобы повысили хлебную норму. Он этого и слушать не хотел. Но, когда навстречу ему вышли, потрясая кулаками, наши наиболее крепкие ребята, говоря, что ему все же придется удовлетворить наше требование, он перепугался и тут же обещал больше хлеба.

С этого дня рабочие стали получать по 600 граммов хлеба в день. Так мы работали, как рабы, не получая за свою работу ни копейки, лишь небольшой паек хлеба, которым нас дразнили как изголодавшихся собак.

Пришло известие, что несколько латышских женщин замерзло в снегу. Они шли со своими последними вещами в деревню, чтобы променять их на продукты для своих малых детей. Туда они дошли, но на обратном пути устали и присе-

ли в снегу отдохнуть. Водянка уже завладела ими. Ноги стали похожи на колоды, и, с вымененными продуктами за плечами, как далеко могли они пройти? Как присели, так больше и не встали. Сон одолел.

Замерзших женщин нашел на краю дороги один русский. Позднее их перевезли на Былин, где в общей мелкой яме у тополей похоронили так же, как и других умерших латышей.

Детей, оставшихся сиротами, поместили в русские детские дома, чтобы вырастить настоящими советскими гражданами. Позднее, когда мы уезжали в Латвию, их отпускали из этих детских домов, если родственники запрашивали. Дети говорили уже только по-русски.

МОЯ БОЛЕЗНЬ

Одним холодным зимним днем, когда мороз был особенно свирепым, мы все еще работали на строительстве ледника. Мы были мокрые и замерзли до окаменения. Зашли в прихожую конторы, чтобы отогреться у маленькой железной печурки. Только мы сняли дырявые перчатки, как вбежал начальник и закричал, что сегодня вечером никто из нас хлеба не получит, если мы будем так работать. Он нас выгнал. Нечаянно споткнувшись, я упала и облилась холодной водой, с трудом смогла подняться. Мне стало очень плохо. С усилием я доплелась до печурки в углу конторы. Вскоре бригадир меня заметил и вытолкал во двор, ворча, чтобы я работала быстрее. Зачерпывая воду, я обронила варежку. Она примерзла к ведру, когда я ее отрывала, она вся развалилась. Руки посинели от мороза, а ног я больше не чувствовала. Лицо было обморожено, и меня трясла холодная дрожь. Голыми руками я еще раз зачерпнула последнее ведро, ноги стали подкашиваться, и у меня потемнело в глазах. Плача от боли, я все-таки дотянулась до барака и упала на нары. Кто-то стащил с меня мокрую одежду, растер снегом ноги и руки, уложил и хорошо укрыл.

Я чувствовала себя очень плохо. Порой меня трясла холодная дрожь или охватывал горячий жар, тогда я сбрасывала с себя одежду. В груди я чувствовала приступы острой боли, которая перешла в бок, под ребра. Люди правильно определили, что это воспаление легких. Так я пролежала целые три недели. В это время я должна была отправиться к нашему "врачу", за справкой на получение хлеба.

Я горела, как в огне, и чувствовала, что температура у меня очень высокая. Ноги дрожали. С огромными мучениями я доплелась до былинского "врача". Этот так называемый врач, по национальности русский, был не больше, как последнего сорта сапожник, который неизвестно когда посещал какие-то фельдшерские курсы. Сейчас он по случаю работал сапожником, починяя обувь и порой как врач "починяя" людей. Он расположился в конце длинного барака. Когда я к нему вошла, он как раз заканчивал починку какого-то старого сапога, и мне пришлось стоять и ждать, пока он забил последний гвоздь. Внезапно он на меня гневно посмотрел, заорал, что ему мешают и что мне нужно. Когда я ему рассказала, он ворчливо прорычал, что теперь никто больше не хочет работать, каждый день приходят за справками. Вытерев руки грязным куском кожи, он взял маленький клочок бумаги и неумело, большими буквами написал мне справку, чтобы я могла показать ее в конторе. Затем он взял с пыльной полки какую-то большую бутылку с красноватой жидкостью, из которой отлил в маленькую, даже не спросив, что у меня болит, и сказал, чтобы я принимала три раза в день.

За время болезни я получала по 500 граммов хлеба в день, и как бы из большой жалости мне выдавали полкилограмма мороженой брусники.

Когда была метель, мне было особенно трудно, ибо в окнах вместо стекла были натянуты простыни. За ними метель надувала гору снега. Когда топили печку, снег понемногу таял и простыни намокали и затем на морозе замерзали. Мои нары находились у окна, так что в метель ветер дул прямо на меня. Во время болезни, когда у меня была высокая тем-

пература, я лежала вся в поту, мокрая. Вдруг подымался ветер и так сильно раздувал простыню в окне, что едва не разрывал ее. Ветер продувал и сквозь мое одеяло, и меня трясло от холода. Эти обстоятельства еще больше ухудшали мою болезнь.

За время болезни я сильно похудела и ослабла. Когда я впервые вышла за водой, то с мучительным трудом смогла притащить лишь одно ведро. После болезни у меня появился большой аппетит, но есть было нечего. Иногда, когда кто-то из нашей комнаты, выменяв какие-нибудь продукты, готовил еду, и вокруг распространялся раздражающий запах, слюна набегала в рот и так невыразимо сильно хотелось есть, что я натягивала одеяло на голову.

Лежа на сквозняке, я получила воспаление среднего уха в обоих ушах. Уши болели, и затем их заложило так, что я ничего не слышала. Я пошла к фельдшерице, русской женщине, недавно приехавшей. У нее, по крайней мере, царили чистота и порядок. Она мне каждый день промывала уши, и я наконец стала снова слышать.

Госпожа К. прислала мне продуктов и написала, чтобы я попыталась попасть в Колпашов, ибо на Былине я погибну. Она обещала мне помочь устроиться и думала, что все будет хорошо. Следуя совету госпожи К., я сказала фельдшерице, что у меня уши с каждым днем болят все сильнее. Она была очень добра ко мне и написала мне направление к врачу в Колпашов. Мне удался обычный трюк, которым пользовались все, кто хотел выбраться с Былина.

Начальник тоже дал мне разрешение. На работу я больше не ходила. Уложила свои оставшиеся вещички, простилась с остальными латышами и стала ждать подводу, чтобы двинуться в Колпашов.

ПО ДОРОГЕ В КОЛПАШОВ

В полдень мы выехали из Былина. До Колпашова было 90 километров по зимней дороге. Туда ехали две подводы

с шерстью, и на одну из них положили мой мешочек. Когда мы удалились от Былина, меня охватило чувство большой радости. Казалось, что все плохое осталось позади. На повороте я еще в последний раз кинула взгляд назад: огромное снежное пространство, лишь вдали у горизонта тянется узкая полоска далекого леса, а посередине этого белого пространства – длинный барак, напоминающий тюремный лагерь. Кое-где видны окна, и те затянуты простынями. Неподалеку от барака несколько других строений и клены. Страшно было вспомнить все то, что тут происходило. За четыре месяца из 200 латышей умерло 50 человек, и из бессарабов такое же количество*. Эти люди все умерли голодной смертью, в большинстве от водянки. Осталось много сирот. На многих судьбах этот Былин оставил след на всю жизнь. Столько жертв было принесено этому острову смерти латышей в Сибири. И это было не единственное место в Сибири, где погибло так много наших земляков**. В Сибири было много таких мест, например в Васюгане, где редко кто остался в живых.

Оставшиеся на Былине латыши через несколько месяцев все приехали в Колпашов. Во время большого весеннего половодья наш барак развалился, и его унесло течением вниз по реке.

Когда я больше не смогла идти, мне разрешили забрать-

---

* Официальной статистики смертности среди депортированных нет, и советские организации не заинтересованы их публиковать. Речь в данном случае идет не о смертности в советских лагерях строгого режима, с самыми тяжелыми условиями, а лишь о ссыльной области. Если прибавить сюда число умерших в подвалах ЧК и тюрьмах, можно в известной мере получить представление о размерах уничтожения латышей в годы советской власти.

** В этом свидетельстве Былин как латышская массовая могила появляется впервые. Другие свидетельства указывают на огромное количество погибших депортированных из Латвии: в Соликамске на Урале, ставшем кладбищем латышской интеллигенции; Норильск, у Енисея, называют кладбищем латышских офицеров, или "Балтийской Катынью".

ся на подводу. Лошади были небольшие и ослабевшие: одни ребра торчали. Они из последних сил тащили большие подводы.

Нас было шестеро ездоков: пятеро русских и я. В темноте мы достигли деревни, где думали переночевать. Мы проехали двадцать пять километров. На заезжем дворе нам дали ночлег. Это были две комнаты, одна для спанья, другая – столовая. Попили горячего чая и разулись. Ноги были натружены и в мозолях. В тепле я быстро заснула.

Рано утром, еще в темноте, отправились в дальнейший путь. Ноги опухли и болели. С трудом натянула боты. На дворе чувствовался сильный мороз, который с восходом солнца еще покрепчал. Мы шли и каждую минуту растирали снегом замерзшие ноги. Вечером мы пришли в одну деревню, где переночевали. Здесь я впервые увидела инвалидов войны, которые тоже тут ночевали. Они все были в веселом настроении и пели разные песни.

На третий день в полдень издалека мы увидели какое-то большое село. Это была Тагура – центр деревообрабатывающей промышленности. Вдалеке сверкали золотистые купола белых церковных башен, на удивление оставшиеся нетронутыми. Груз с шерстью мы оставили в Тагуре, там же остались другие русские. Кучера и я продолжили путь в Колпашов, который находился от Тагуры лишь в каких-нибудь восьми-девяти километрах.

В КОЛПАШОВЕ

В морозный вечер 6 января 1944 года мы приехали в Колпашов.

Колпашов находился на крутом правом берегу Оби. В этом месте ширина Оби почти два километра, но дальше на север река становится еще шире. На берегу большая пристань. Пароходы здесь поддерживают сообщение по Оби с юга, от Бийска у Алтайских гор до Северного Нарыма на Васюганской равнине. Городок этот был основан богатыми

сибирскими кущами. Старые здания, построенные в своеобразном стиле, еще сохранились крепкими и стройными. Они строились из обструганных бревен с острыми крышами из дранки. Фасады домов были украшены различной деревянной резьбой, что придавало домам интересный вид. Оконные наличники были выкрашены в светлые тона.

В помещении старой церкви обосновался районный исполнительный комитет, а церковная башня была снесена. Здания, построенные в последнее время, были сделаны из бедного материала и стояли некрашеные. Они были не выше двух этажей. Домики состояли из комнаты и кухни. Во всем городе было всего два кирпичных здания – баня и большой магазин.

Улицы были немощеные, тротуары, сколоченные из досок, уже наполовину сгнили. Вдоль улиц то тут, то там росли посаженные осины. В Колпашове было электричество и радиоузел. Здесь были электростанция, хлебная пекарня и многочисленные мастерские и артели. В центре города находилась большая базарная площадь с павильоном. После одинокой жизни в деревне и на Былине мне Колпашов понравился, ибо здесь я как бы "вошла в жизнь".

Въехав в Колпашов, мы остановились во дворе Военторга. Отсюда я пошла искать госпожу К. Она жила в небольшом домике на берегу реки, который я быстро нашла. Мне было очень радостно встретиться со своей благодетельницей. Она меня устроила на кроватное место в соседнем доме у латышей. В это время в Колпашове были большие трудности с жильем, ибо многие русские убегали из колхозов в города в надежде на лучшую жизнь. В Колпашов стеклись люди различных национальностей: литовцы и эстонцы, латыши и бессарабы, приволжские немцы, украинцы и белорусы. Однажды зимой через город проходили тунгусы из Северной Сибири. Они перегоняли табуны северных оленей.

На следующий день я пошла к коменданту просить разрешение на жизнь. Комендант был чрезвычайно неприятным человеком с одним стеклянным глазом. Он не захотел мне давать разрешение. Тогда я пошла к начальнику нашего Воен-

торга, который переговорил с комендантом, и таким образом я разрешение получила. Я прописалась в милиции и уладила остальные формальности. Теперь я была навсегда свободной от Былина.

На следующий день я пошла в баню. Баня здесь была современно оборудованная, в красном кирпичном доме с удобными помещениями для мытья и ожидания. Было очень приятно после длительного времени основательно помыться и надеть чистое белье. И вши больше не будут кусать. Я удивилась, как я похудела за эти полгода в Былине.

НАС ЗАПРЯГАЮТ ВМЕСТО ЛОШАДЕЙ

Через несколько дней я отправилась в больницу к сестре, которая ожидала, что ее отвезут в детский дом. Маечку уже отвезли. Больница находилась в большом дворе, где было несколько зданий. В одном коридоре, относившемся к хирургическому отделению, на диване лежала Дзидра. Она уже могла ходить. Здесь лежали и другие латыши. Через две недели за Дзидрой приехали, и ее отвезли в детский дом Круглово, за сорок километров.

Через некоторое время я вступила в артель "Объединение", в вязальный цех. Три месяца я проработала учеником, а потом стала мастером. Вязали руками шали, кофты и другие вещи. Здесь работали многие поляки и бессарабы. Бригадирша тоже была полька – пани Зина. Начальница нашего предприятия была безграмотной, и ее назначили на эту должность потому, что она была членом партии. По вечерам она училась читать и писать.

Рабочее помещение было плохое. Печка совсем не грела, дрова были сырые, зеленые, в печке они шипели и не горели. В большие морозы мы так мерзли, что не могли не только вязать, но даже пальцами шевелить.

Так как у артели не было лошади, то часто гнали нас дрова возить. Мы впрягались в большие лошадиные сани и тащили их за десять километров в лес за дровами. На каж-

дые сани надо было погрузить один кубометр дров из больших поленьев. Сани были загружены с верхом, и мы тащили их, упираясь. В случае необходимости мы объединялись и вместе тащили одни сани, затем другие. Во многих организациях, где не было лошадей, впрягали волов. В колхозах тоже возили на волах.

ВЕСНА 1944 ГОДА В КОЛПАШОВЕ

Нигде с таким нетерпением не ждут весны, как на севере, где лето длится всего два месяца.

Пришли первые суда и о своем прибытии возвестили громкими гудками. Мы были очень взволнованы, ибо ожидали, не прозвучит ли и в наших ушах весной, с пароходными гудками, радостная весть о Родине, о нашем возвращении домой. Сейчас мы находились ближе к городам, к портам, и поэтому наши надежды, казалось, имели какие-то основания.

На пристани было так много людей, что с трудом нам удалось протиснуться поближе, чтобы разглядеть, кто прибыл с пароходом. Этот пароход привез нам очень мрачные новости: немецкая армия в большой спешке отступает. Не хотелось этому верить, но это подтвердили также приехавшие инвалиды войны. Поэтому в этом году мы уже не надеялись дождаться чего-нибудь хорошего. Инвалидов было много. Один без ноги, другой без руки, другие контуженные. Родные с громким плачем уводили их домой.

Стало еще печальней, когда весенними пароходами на родину увезли высланных поляков. Перед тем им выдали присланные из Америки одежду и продукты. У них здесь был свой представитель, кто о них очень заботился. Поляки все работали в хороших местах и очень поддерживали друг друга. Они не давали своим погибать, но очень помогали и держались все вместе.

Какая же разница была между ними и нами! Позднее пошли слухи, что и нам американский Красный Крест присылал одежду и продукты. Красивую американскую одежду

можно было увидеть на начальниках. Ее им выдавали как премии. Продукты им выдавали по карточкам в их "начальнических" магазинах. Там было все. Так нас всех обманули. Красному Кресту, вероятно, сообщили, что посылки доставлены и розданы между потерпевшими.

В июле приехала Маечка из детского дома. Из Круглово в Колпашов прислали пятнадцать больных и ослабевших детей, в их числе и мою сестренку. Им предназначалось два месяца отдыха. Их поместили в средней школе. Маечку невозможно было узнать. Она вытянулась и очень похудела. Волосы были наголо пострижены. Мы были очень счастливы, что встретились. Я ходила каждый вечер ее навещать. Она каждый раз встречала меня у ворот. Я приносила ей все, что могла. И другие мне давали гостинцы для нее. Быстро прошли эти два чудесных месяца, и Маечка уехала.

Иногда у нас собиралось побольше латышей, тогда мы пели песни. Одна дама красиво пела старинные русские романсы. За воспоминаниями время проходило быстро.

ЭВАКУИРОВАННЫЕ АКТЕРЫ

В Колпашове было много эвакуированных актеров из Москвы и Ленинграда. Они ставили на колпашовской сцене различные пьесы. Театр находился в большом здании со всякими удобствами. Здесь было просторное фойе с большими зеркалами, зал на двести мест и небольшая сцена. Актеры получали большие зарплаты, поэтому они могли покупать у латышей одежду, которая у одного-другого из нас еще оставалась. Так как они часто навещали наши комнатки, они нам давали контрамарки, которыми мы с радостью пользовались.

Однажды я была на концерте, в котором участвовали и некоторые латышские артисты, работавшие в театре. В программе были произведения для скрипки, фортепиано и духового оркестра, а также хоровые песни, чтение и сцены из пьес. Мы, которые так давно не были в театре, этим восхищались.

МАЛЯРИЯ

В Колпашове малярией болели в широких масштабах как русские, так и латыши. И меня эта болезнь не миновала. Однажды, придя домой с работы, я почувствовала, что меня охватывает то холодная, то жаркая дрожь, становится дурно и кружится голова. На следующий день я на работу идти уже не могла, а пошла в поликлинику, ибо думала, что повторяется воспаление легких. Там мне сказали, что у меня началась малярия. Врач – специалист Вишневская – прописала мне горькие порошки и таблетки хинина. Это было странное ощущение: в жаркое летнее время чувствовать такой холодный озноб, что зубы стучали. Я надела на себя всю одежду, какая у меня была. Через какое-то время стало жарко, и все жарче. Я сняла всю одежду и улеглась в постель. Мне казалось, что я задохнусь от жары. Температура была уже 40 градусов. Аппетита не было. Лихорадка меня очень мучила. Я так ослабела, что еле могла передвигать ноги. Далеко пройти я не могла, ибо казалось, что я вот-вот упаду. Лежать тоже было трудно, ибо ломило все кости.

Я проболела три недели. Малярия у меня еще повторилась на следующий месяц, но после этого я больше не болела.

Это ужасная болезнь. Если она повторяется несколько раз в тяжелой форме, то грозит смерть. Лихорадка, которая продолжается несколько дней, чрезвычайно ослабляет организм. И аппетита в эти дни нет никакого.

В то время так много людей болело малярией, что в поликлинике были длинные очереди и надо было долго ждать. Не удивительно было видеть в жаркую погоду тепло одетых людей. Уже по этому можно было определить больных малярией, у которых сейчас холодный период.

У поликлиники я видела попрошайничающих нищих. Это были бессарабы, которые дошли до большой бедности. Ужасно было видеть, как они там сидели оборванные, снимали свои лохмотья и охотились за вшами. Если кто-нибудь кидал им кусок хлеба, то они дрались между собой, ибо каждый жаждал получить его для себя.

ОСЕНЬ

Пришла осень, дождливая и холодная. От продолжительных дождей вид нашей комнаты стал жалким. Крыша была плохая и протекала. Одежда становилась влажной. На стенах отмокла штукатурка и отвалилась, и стали видны голые доски. Было ясно, что долго мы здесь не сможем оставаться.

В сентябре меня вместе с другими послали в колхоз, в помощь на уборку картофеля. Погода стояла очень плохая, лило не переставая. Мы добрались до колхоза пешком. Нас тут же определили на работу. Из-за нехватки лошадей (они подохли от голода) нас заставили копать картошку лопатами. Ни в одном колхозе не было картофелеуборочных машин. Где еще остались лошади, там убирали плугами, где не было, там люди выкапывали лопатами. В некоторых колхозах работали на волах. То же бывало и весной. Поля не вспахивали на лошадях, а люди мучились, взрыхляя лопатами засохший на солнце чернозем. Вспахали лишь поля под хлеба, и то не все успели обработать, многие поля остались заброшенными.

В Сибири картофель не сажали грядками, поэтому выкапывать его было особенно трудно. В размокшей глинистой почве ноги погружались в грязь. Мы вскопали большие картофельные поля. Нас кормили картошкой, овощами и молоком. Хлеба не давали, ибо его больше не было. Но мы были сыты. Через три недели, когда картошка была убрана, нас отпустили домой.

Наша хибарка была заколочена, крыша провалилась. Другие жильцы перебрались на новую квартиру. Переночевав одну ночь у госпожи К., я перешла жить к другим латышам.

Мое новое местожительство было в полутора километрах от Колпашова. Центр города находился на пригорке, а мы жили в низине. Домик был новым, с небольшой комнатой и прихожей. Кругом были песчаные поля, где весной сажали картошку. Недалеко была лесопилка с охранником в будке. Рядом было много заготовленных дров, к которым

мы наловчились по ночам подбираться, чтобы не надо было за них платить большие деньги. Следующей весной, когда мы здесь уже не жили, большое половодье затопило лесопилку и наш домик.

Осенью мы узнали по радио, что в октябре большевики заняли Ригу. Грустно было слышать, что она снова попала под власть коммунистов. Через какое-то время некоторые стали получать письма из дома. Я тоже написала и в феврале 1945 года получила первое письмо из Латвии. Это был один из самых радостных дней в Сибири. Теперь началось радостное, полное неожиданностей время ожидания писем. Я также получила денежный перевод. В день, когда я получала письмо, я его перечитывала несчитанное количество раз, пока не знала наизусть.

ЭТАП ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Нам нужно было регистрироваться два раза в месяц у нашего коменданта НКВД. Регистрацию делали, чтобы никто не мог незаметно сбежать. Если кто-нибудь не появлялся в назначенный день, сразу интересовались, почему не явился.

Однажды, идя от коменданта, я увидела вдали длинное шествие. Подойдя ближе, я поняла, что это был этап заключенных, которые шли из Матянгского лагеря, в двенадцати километрах от Колпашова. Они направлялись в другие лагеря. Этап, примерно из трехсот мужчин, медленно продвигался вперед. По бокам колонны тесной цепью шли охранники с пистолетами в руках. Во главе шествия и сзади охранники ехали на лошадях.

У заключенных был вид изнуренных людей. Это ужасное зрелище, которое я увидела впервые, осталось у меня в памяти навсегда. Это были политические заключенные 1937 года, когда в России в последний раз была проведена большая чистка – массовые аресты. Тех, против кого были подозрения, арестовывали. И здесь действовали шпики ЧК. Это была редкая семья, в которой не был бы кто-нибудь арестован.

БЕЗ ВЫХОДНЫХ ДНЕЙ

Зимой по воскресеньям на работе устраивали так называемые "воскресники", которые считались добровольной работой без оплаты. Нужно было с другого берега реки везти дрова для хлебопекарни, школы и т. д. Почти каждое воскресенье нас занимали работой. Тех, кто не участвовал в "воскресниках", на собраниях строго отчитывали и ругали, перед всеми. Однажды, поближе к весне, когда снег уже начал таять и местами уже проступала голая земля, нас еще раз гоняли возить дрова. Это была сумасшедшая поездка. Руководитель погрузил на сани очень много дров, и мы тащили их, напрягшись, через большие лужи по голой земле. Сами сани были большие и тяжелые, а дрова зеленые. На реке лед был уже непрочный, местами даже под водой, но об этом наше начальство не беспокоилось.

В зимние дни почту мы получали с большими перебоями, ибо из Томска, где проходит железная дорога, до Колпашова почту возили как в старые времена – на почтовых лошадях. Трехсоткилометровый путь почтовые лошади ехали больше недели. Письма закидывались в дырявые почтовые ящики, откуда часть по дороге высыпалась. Однажды кто-то шел из Томска пешком. Ему случилось идти позади почтовой повозки. До Колпашова он собрал много выпавших писем, которые потом роздал по назначению. Так и весной с первыми пароходами мы получили сразу по нескольку писем. Неаккуратно работали также и все другие учреждения.

ВЕСНА И ЛЕТО 1945 ГОДА

Незаметно подошла четвертая весна в Сибири. Так же как и в прошлом году, мы пошли на пристань встречать первые пароходы. На этот раз мы были уже намного спокойней, хотя в глубине души еще таилась надежда, что когда-нибудь мы все же попадем на родину. И на этот раз пароходы нам не принесли ожидаемых вестей.

9 мая 1945 года было заметным днем в нашей будничной жизни. По радио сообщили, что в этот день закончилась война, заключен мир (сердцу это не принесло мира). Мы стали фантазировать и прикидывать, как это сможет изменить наше положение. Русские необыкновенно торжествовали эту победу, устраивали выпивки и празднества. С большими овациями встречали вернувшихся с фронтов солдат, которыми были переполнены пароходы. В честь этой победы коммунистов на работе нам выдали ордера на премии, которые нужно было получить в "белом" магазине. В виде премии нам каждому выдали по два метра серо-зеленой хлопчатобумажной ткани, из которой шили одежду для солдат. За эту премию нам самим нужно было оплатить стоимость ткани.

Нас посылали на различные работы, в цехе работать приходилось мало. Сажали для артели картошку, а вечерами сажали для себя. Затем надо было полоть и окучивать. Иногда нам за определенную цену выдавали неободранные говяжьи головы и ноги. Часто заставляли работать вечерами и по воскресеньям. Для себя времени оставалось мало. Но в одном смысле это было хорошо, ибо мы не имели возможности так много думать о доме. Нужно было с подошедших барж выгружать уголь. Уголь надо было накидать в тачки и по мосткам спустить на берег. Мы были совершенно черные от угольной пыли. Иногда надо было выгружать с барж дрова. Весной сюда течением пригнало много бревен, которые оторвались от плотов. Река была полна лодок, при помощи которых предприимчивые люди вытаскивали плавучие бревна на берег и заготавливали себе дрова. Даже учреждения направляли своих работников вылавливать бревна. И нам нужно было бревна вытаскивать из воды и нести наверх на берег, где их заготавливали на зиму.

В теплое, свободное время мы шли купаться. Недалеко от нашего домика река у берега была мелкой – хорошее место для купания. По воскресеньям сюда приходили многие колпашовцы и загорали на белом песке. Однажды приехало из ближайших колхозов несколько латышских девушек – моих подружек. У нас тогда собралась вся колпашов-

ская молодежь, ибо мы жили отдельно, без русских. Они где-то раздобыли патефон. Так несколько вечеров и даже ночей мы веселились под звуки музыки.

В жаркие летние ночи спать в маленькой комнатке было душно, тогда мы поднимались на чердак. Там был насыпан белый песок. Мы стелили на него одеяла и спали. Ночи были теплые. Светлыми, лунными ночами там было прекрасно спать. Оба конца чердака были открытыми, что давало простор ветерку и лунному свету. От сквозняка я, правда, застудила зубы, и у меня они долго болели.

Однажды в воскресенье артель повезла нас по ягоды. Собрались на берегу, где нас уже ожидал небольшой буксир. Был жаркий день с небольшим ветерком. Примерно в двадцати километрах от Колпашова буксирчик завернул в один приток, где и пристал к берегу. Маленькая тропинка вела в лес, где росли кусты черной смородины, которые были уже обобраны. И подальше ягод уже не было, и мы ничего не собрали, только поели крупных ягод. К вечеру мы вернулись к буксиру, но некоторые заблудились, и, пока их нашли, уже стало темно. На обратном пути было прохладно, ибо задул резкий ветер. Так мы ничего не собрали, лишь покатались.

В августе Маечка навестила меня проездом. Она была в Томске в санатории два месяца на отдыхе и теперь возвращалась в детский дом. Пароход, на котором она плавала, пристал в Колпашове выгрузить груз. Маечка выглядела больше отдохнувшей и лучше чем в прошлом году в Колпашове. Я покормила ее, и затем мы с госпожой К. пошли проводить ее на пароход. Там госпожа К. дала ей также хлеба с сахаром, она все жадно съела. Был красивый августовский вечер, солнце садилось ярко-красное, когда на пароходе трижды прозвонил колокол, низко прогудел пароходный гудок, и пароход отошел от берега, медленно уплывая на север.

Однажды, идя с работы, мы увидели, как конвоиры гнали по улице, по середине мостовой, небольшую группу латышей. Они шли от пристани, их привезли пароходом из Томска. Некоторые из этих латышей жили по соседним деревням

в нашем колхозе, теперь их было трудно узнать – так они исхудали. Измученные, с маленькими котомками за плечами, они шагали по пыльной улице. В большинстве зто были мужчины, между ними лишь несколько женщин. Один парень нас поприветствовал, говоря: "Здравствуйте, латыши!" Мы хотели хоть о чем-то спросить их, но конвоиры закричали, чтобы мы отошли прочь. Некоторые латыши показали на пальцах цифры, на сколько лет каждый из них осужден. В большинстве от десяти до пятнадцати лет. Они наверняка были забраны безо всякой причины, как зто всюду происходило. Особенно старались запрятать в тюрьмы мужчин.

Так многие латыши были рассеяны по разным лагерям бескрайней Сибири.

ОСЕНЬ 1945 ГОДА

С приходом осени нас стали отправлять на различные работы. В Натянгу, в восьми километрах от Колпашова, пришел первый завоз зерна нового урожая. Нужно было идти туда, чтобы выгружать зерно с баржи. Сюда прислали людей со всех организаций, чтобы побыстрее управиться с этой работой.

Нам нужно было засыпать зерно в мешки и носить их на берег, чтобы затем грузить снова на пароходы и рассылать по городам. Одни держали мешки, другие деревянными лопатами насыпали в них зерно, а третьи носили мешки наверх по крутому берегу. Это была тяжелая работа. В скалистом берегу были выдолблены ступени, образуя таким образом крутую лестницу. На этой работе были в основном мужчины – грузчики. Это были грузчики пристани, которые загружали и выгружали пароходы. В свободное время они работали на большой Матянгской мельнице. Их одежда отличалась тем, что они носили весьма широкие брюки.

До вечера мы выгрузили большую баржу. Были счастливы, что нас отвезли на грузовой машине в Колпашов, ибо мы очень устали.

Во время картофельной уборочной страды мы убрали также и артельный картофель. Он пролежал на складе до весны, весь замерз и сгнил. Так картошка не досталась никому.

НА ОСЕННИХ РАБОТАХ В КОЛХОЗЕ

В сентябре нас, двадцать человек, с места работы послали в колхоз на помощь на уборку урожая. Нужно было проплыть двадцать пять километров на барже и десять километров пройти пешком. Свои вещи погрузили на баржу, уселись в ней сами и стали ждать отправления. Мы ждали уже несколько часов, пока подошло время обеда. Мы сошли на берег и пошли к колонке за водой. Возвращаясь, мы увидели, что наша баржа уже отплыла, не дав предварительно никакого сигнала. Маленький буксир тащил баржу. Мы стали кричать, звать, чтобы он вернулся, но он продолжал двигаться дальше. Нам ничего другого не оставалось, как двадцать пять километров следовать за баржей берегом пешком, ибо хлеб, выданный нам на всю дорогу, находился на барже. Переправились на пароме на другой берег, где мои подруги знали дорогу в колхоз.

Несколько километров дорога была очень песчаной – идти было трудно. Ночь мы провели в какой-то хижине вместе с рабочими, которые угостили нас огурцами. Собранные огурцы было предусмотрено отправить в Колпашов для засолки. Рано утром мы продолжили путь. В полдень мы добрались до одной деревни, где жили родители одной из наших спутниц. Там нас любезно приняли и угостили. Подкрепившись, мы продолжили путь. К вечеру мы были очень усталыми и запыленными. Ноги были стертые. Перебрались через какую-то реку и дальше пошли по ее берегу. Вечером мы добрались до деревни, где должна была пристать наша баржа. Ждали дотемна, но о барже ни слуху ни духу. Ночь мы провели в деревне. Утром баржа была уже здесь. По дороге на буксире что-то испортилось, и потребовалось много времени, чтобы

его починить. Все вместе мы направились в деревню Новолинка, нас уже ждали. Это было большое село, которое нам понравилось больше других. Разместили всех по домам колхозников. Нам попалась хорошая, аккуратная хозяйка.

На следующее утро нас повели на работу. Местность была красивая, несколько холмистая. Хлеба местами были уже скошены. Пришли к большому скошенному гороховому полю, которое было еще не убрано. Вилами и граблями мы сгребали гороховые плети в стога. После обеда мы набрали много стручков и отнесли домой. Горох был красивый и крупный.

Затем нам нужно было работать у молотилки, которая находилась недалеко от деревни. Сюда подвезли очень много скошенных хлебов, так что работы хватило на несколько дней. Меня назначили на мякину. В тот день дул ветер, и мякина летала кругом во все стороны. Под одежду залетела мелкая ость, которая нещадно чесалась. Глаза залепило пылью. Подошел вечер, стало темно, мы надеялись, что нам дадут отдохнуть, но машина и трактор рычали непрерывно всю ночь. В шесть часов утра нам разрешили поесть и отдохнуть. Так устали, что о еде и думать не хотелось. Легли в солому полежать. Через несколько часов машина снова зарычала. Надо было занимать свои рабочие места. Проработали весь день до вечера, пока большая куча зерновых не иссякла. Питание нам выдавали из полевой кухни, которая передвигалась вместе с молотилкой. Вечером нас отпустили в село, сказав, чтобы приготовились в дорогу на продолжительное время, ибо молотилка будет двигаться все дальше от села.

Так мы молотили зерно с утра до вечера и с вечера до утра, лишь с парой часов для сна. Позднее мы удивлялись, как мы могли больше месяца это выдержать.

ДЕШЕВАЯ РАБОЧАЯ СИЛА

Нашим бригадиром был неприятный инвалид на одной ноге – Ванька. Он ничего другого не делал, как только кричал и орал, чтобы работали еще скорее. Однако начальник

нашей молотилки Макар был добрый русский, который старался притормаживать необыкновенно быстрый темп работы и беспокоился, чтобы нам чаще удавалось передохнуть. Машину обслуживало тридцать человек, включая подносчиков воды, заготовителей продуктов и хозяйку. Так как у меня глаза совершенно припухли, то меня попеременно назначали на солому. Солому нужно было граблями отодвигать подальше в кучу, один человек на лошади перехватывал кучу веревкой и уволакивал ее подальше от молотилки. Работа с соломой была гораздо легче, чем с мякиной.

Нас кормили очень хорошо, и есть можно было сколько хочешь. Часто варили гороховую кашу с мясом и картофельное пюре с молоком. Хлеб привозили из колхозного амбара уже взвешенный и распределяли в зависимости, кто как работал.

Спали мы, зарывшись в огромные кипы соломы, где было тепло даже в самые холодные ночи, когда землю уже схватывали заморозки. Если лил сильный дождь, то работу прекращали, и мы лежали в соломе, пока он не проходил.

Через какое-то время, проработав, как рабы, день и ночь без отдыха и чувствуя большую усталость, мы стали протестовать, чтобы нас отпускали на ночь отдыхать, в противном случае мы сбежим назад. Так как мы были для колхоза очень выгодной и дешевой рабочей силой и для обмолота хлебов сейчас был последний срок, то нас успокоили, пообещав, что разделят на смены. Меня определили в ночную смену. Последнюю ночь перед разделением на смены нам разрешили спать. К счастью, вблизи находился большой пустой амбар. Тут вдруг наш глубокий сон был прерван страшным шумом. В амбар влетела белая лошадь, на спине которой сидел наш пьяный машинист, задумавший проделать с нами "прекрасную шутку". О сне больше нечего было и думать. Мы вскочили и встали вдоль стен, ибо испугались, что он нас замнет. Посреди амбара стояла большая печь, вокруг которой машинист гонял лошадь. Чтобы она скакала все быстрее, он стегал ее плетью. Лошадь вскачь носилась вокруг печи. Когда половые доски разломались и от печи стали от

сотрясения отваливаться кирпичи, он наконец перестал беситься и хохотать. Вскоре после этого нам уже надо было приступить к работе.

С утра машины отправились дальше, все больше удаляясь от села. Стал моросить мелкий дождичек, который опускался на землю как густой туман. Негде было высушивать одежду. Меня поставили к машине наверх, где нужно было или принимать снопы или серпом разрезать их завязку. Чтобы машина не простаивала, нужно было работать не переводя дыхания.

Хозяйка ходила кругом с кувшином с водой, который мы опустошали жадными глотками. Через несколько дней установилась красивая, солнечная погода. Но работать было так жарко, что пот стекал струей. Однажды нам пришлось стоять в красивом месте, где горки снопов были уложены ровно, как отмеренные. Ночью ярко светила луна. Издали были слышны крики ночных птиц. Так как здесь негде было хранить солому, то ее свозили к берегу озера и там сжигали. Сухая солома горела большим, ярким пламенем, которое поднималось высоко в небо, как гигантский факел.

Проехали через лес, за которым снова было огромное поле. Посреди поля то тут, то там были разбросаны небольшие березовые рощицы, которые сейчас украсились осенней листвой красивейших цветов. В одном месте снопы были сложены в очень высокие копны, которые издалека выглядели как большие пирамиды. Чтобы забраться на самый верх такой копны, к ней подставляли высокую лестницу, по которой мы забирались наверх. Молотилка подъезжала к копне, так как было удобно сбрасывать снопы сверху прямо на платформу.

Куда бы дальше мы ни ехали, нам не встречались копны меньше предыдущих, кое-где они были еще выше. Встречались хлеба всех сортов: пшеница, рожь, овес и ячмень. Мне теперь понравилось стоять на вершине высокой копны, откуда можно было далеко обозреть окрестности. Сначала работа на молотилке мне показалась трудной, но теперь я уже привыкла к ней, как привыкают к любой работе. Тело больше закалилось, мускулы стали сильней.

На самой вершине копны брать снопы было легко, но чем ниже спускались к земле, тем крепче они сцеплялись вместе. Когда поднимались снопы из самого нижнего ряда, выделялась большая тепловая волна. Земля под копной дымилась теплой влагой, поэтому не было ничего удивительного в том, что зерна в тепле набухли. Набухшие зерна прорастали длинными корнями в землю, так что надо было снопы отрывать со всей силой.

Через какое-то время нас отпустили в колхоз помыться. На лошадях нас отвезли в село, баня была уже истоплена. С утра уже снова надо было быть на работе. По дороге нас догнал наш комендант НКВД, к которому мы ходили регистрироваться. Это был высокий, черный грузин, контуженный на войне, поэтому он вел себя иногда странно. Он ездил по деревням, улаживая разные дела. Вернувшись на старое место, мы уже не нашли молотилки. Мы ее разыскали по следам колес. Там было гороховое поле. Гороховые плети были собраны в кучу под небольшой крышей. Горох было молотить гораздо легче, чем хлеба. Здесь мы оставались двое суток, пока не закончили. После чего надо было ехать дальше.

Руководитель молотилки разрешил некоторым из нас усесться на верх машины, откуда можно было далеко обозревать окрестности. Был вечер. Вдалеке уже видны были снежные облака, а здесь было еще много неубранных хлебов, которые, как мы после узнали, так и остались под снегом. Много хлеба погибло.

НА ПОМОЩЬ ТАТАРАМ

Вернувшись в село, мы приготовились в дорогу – на новое место, которое находилось в шести километрах отсюда. Мы вышли под вечер. Дорога вилась через поля гречихи, которые, как красноватые пятна, были заметны уже издалека. Поближе к деревне были большие поля, засеянные репой. Домишки были маленькие, скособоченные, очень грязные

снаружи. Из-за углов домов на нас глазели маленькие темные татарчата.

На краю деревни стояло длинное здание. Это был барак, в котором мы должны были разместиться. Внутри был невообразимый беспорядок. На полу был такой толстый слой мусора, что его нужно было выгребать лопатой. Вдоль обеих стен стояли широкие нары, и они являли собой гнездо нечистот. Углы и окна заросли паутиной. И с потолков свешивалась длинная паутина. Мы очистили нары и легли спать. Но сон не шел, ибо тараканы ползали по одежде и телу. Это было настолько невыносимо, что едва дождались утра. Воздух был тяжелым и душным, в нос неприятно ударял запах рыбьего жира, которым татары смазывают свои сапоги. Все эти противные запахи смешивались между собой.

Рано утром нас растревожила громкая ругань. Когда все встали, начались громкие разговоры, крики, ругань на татарском языке, который мне напомнил цыганский язык. Нас отвезли на льняное поле, на котором лен еще не теребли, и вообще он очень плохо пророс. Нам дали недопеченный ржаной хлеб и поллитра молока. На обед нам предложили жижу, на которую было противно смотреть; мы от нее отказались. Вечером мы пошли ночевать к себе в село.

Рано утром мы уже были снова у татар. На этот раз надо было идти на молотьбу, и нам указали дорогу туда. Мы дошли до поля, но молотильной машины не увидели. Из ближайшей копны вылезли два татарина и стали что-то по-своему рассказывать. Оказалось, что под копной соломы находится и сама молотилка, которую мы нашли в таком беспорядке, что трудно было себе представить. Старший из татар, с темным, обветренным лицом, пышными рыжими усами, длинными, до плеч, рыжими волосами, в нечистой одежде и в забрызганных грязью сапогах, был руководителем молотилки. Другой, помоложе, был машинистом. Они уже вчера начали тут молотить, но так как у них было мало людей, то солому тут же у машины и оставляли.

Во-первых, мы очистили место от соломы, отнеся ее на необходимое расстояние. Мокрыми руками разрывали сно-

пы, которые были накиданы неаккуратно, кучей, а внизу срослись вместе: совсем теплыми, как пироги, вытаскивали их. И во всех других копнах снопы были тоже накиданы кучей, в беспорядке. На каждом шагу мы сталкивались с неописуемым беспорядком. Здесь мы проработали лишь неделю.

Получив хлеб на дорогу и простившись с колхозниками, мы отправились в путь. Поздно ночью достигли пристани на реке. Пристань находилась в маленькой будке, переночевали кое-как.

СЧАСТЛИВ ТОТ, У КОГО КОРОВА ИЛИ КОЗА

Обещали с утра прислать за нами баржу, чтобы добраться до Колпашова. Мы этому обещанию не очень верили и продолжили путь пешком. Переправились через реку на пароме. Наши ведущие шли быстро, и мы старались за ними поспевать. Недалеко от Колпашова мы сели на траву отдохнуть, позднее отстали от ведущих и заблудились, ибо здесь перекрещивалось несколько дорог. Тут были луга, на которых паслись коровы жителей Колпашова. Наконец мы попали на правильную дорогу, сели на берегу на большое бревно и ждали переправу с того берега. За короткое время мы проделали путь в сорок километров и были очень усталые. Какая-то подвода, проезжавшая мимо нас очень близко, чуть не наехала на нас. Ось колеса задела и ранила мою ногу. В рану попала колесная смазка. Я на это не обратила особого внимания, отчего мне позднее пришлось горько пожалеть.

У переправы ждало много людей, которые переехали на эту сторону, чтобы подоить своих коров. Почти каждая колпашовская семья имела свою корову, которую на лето переправляли на другой берег Оби пастись на больших лугах. Там было несколько пастухов, которые все вместе пасли их, и им за это платили деньгами и молоком. Владельцы коров три раза в день переправлялись через Обь, чтобы подоить своих коров. Осенью коров перевозили назад. Для этой

цели главным образом и предназначался паром, который сейчас был заполнен доярками. Летом переправлялись и косари, чтобы попасть на дальние луга, так же и другие люди, у кого были дела в ближайших заречных деревнях. В Колпашове было также много коз, которые паслись на улицах и дворах, где только росла трава. Коз я видела во многих местах. Говорят, что это признак бедности.

Паром заполнился людьми и отошел от берега. Были уже сумерки, когда мы прибыли в Колпашов. У меня все повторилось как прошлой осенью, когда я приехала из колхоза и нашла двери дома заколоченными. И на этот раз все было так же. Хозяйка нашего домика решила его снести, и поэтому нам пришлось искать себе новое прибежище в другом месте.

НА НОВОЙ КВАРТИРЕ

Мы устроились в небольшом домике, где жила русская семья. Этот домик находился за пределами Колпашова, за небольшим болотцем, в сосновой роще. Сюда можно было попасть через высокие связанные из ветвей мостки, перекинутые через болото. Узнав, что наши хозяева – люди вороватые, мы постарались как можно скорее оттуда выбраться на другую квартиру. На новой квартире в нашем распоряжении были одна комната и две прихожие. Комната оказалась на солнечной стороне, выкрашенная в белый цвет, с тремя маленькими окнами и крашеным полом. Вторую половину дома занимала сама хозяйка, старая бабушка. Дом находился в центре города, рядом с радиоузлом. Каждый вечер мы могли слушать музыку, передаваемую радиоузлом. Позднее и хозяйка нам каждый второй вечер приносила свое радио. За это я была ей особенно благодарна, ибо музыку любила больше всего на свете.

КОЛПАШОВСКИЙ КИНОТЕАТР

Кинотеатр по сравнению с другими зданиями был заметным строением: деревянное здание светло-зеленого цвета посреди небольшого парка, с широкими входными дверями и лестницей. Помещения для ожидания были просторными и большими, с колоннами вдоль стен. Здесь проходили и танцевальные вечера. С одной стороны было небольшое возвышение для оркестра, вдоль стен – скамейки, а на другом конце – буфет. Стены и потолок были приятно выкрашены масляной краской. Кинозал был на триста мест.

Нас с работы часто посылали в кино смотреть какие-нибудь политические, пропагандистские фильмы, на них обычно никто не ходил. Если показывали заграничные фильмы, кинотеатр бывал полон.

В летние вечера здесь бывало весьма приятно. До начала сеанса играл так называемый джаз-оркестр, в его составе было несколько аккордеонов, рояль, барабаны и другие музыкальные инструменты. Иногда выступали три аккордеониста и певец, исполнявший русские романсы. Однажды демонстрировался фильм, в котором было показано, как будто немцами убиты польские офицеры в лесах Польши (Катынь). Их выкопали и рассказывали об их смерти. Тем временем звучала похоронная музыка. Это были ужасные кадры, когда комиссия осматривала трупы убитых. Потом шли слухи, что их убили русские, а не немцы.

ЗИМА 1946 ГОДА В КОЛПАШОВЕ

Поздней осенью сюда привезли вагон латышей, которых только что вывезли из Латвии. Это были по большей части зажиточные крестьяне. Сначала их держали какое-то время в рижской тюрьме, затем привезли сюда. Они были осуждены на пять лет ссылки. Тут их определяли на разные тяжелые работы.

Наступила снова зима. Печально стало на душе, когда

ушли последние пароходы. Мы провожали их со слезами, ибо вместе с ними уходили наши надежды. Подули свирепые ветры, пошел снег, и стало мести. Наш дом так занесло снегом, что остались видны лишь маленькие оконца. Высокие сугробы нанесло кругом. Только прокопаешь тропинку, по которой идти, как ее тут же снова заносит.

Моя раненая нога загноилась, ибо в рану попала грязь. Я не обратила на это внимание, думала – пройдет, но стало больно ходить. Пошла в амбулаторию, где мне сказали, что рана серьезная и, может, кость начала гнить. Мне выписали больничный лист с освобождением от работы. Прошло около двух недель, пока рана прочистилась и постепенно зажила, но след остался на всю жизнь.

На работе у нас часто бывали лекции, как предохраниться от венерических болезней. Лекции читала врач по кожным болезням, Невросская. Венерические болезни здесь были очень распространены, ими болело восемьдесят процентов населения. Хотя лекции проводились часто и людей посылали на врачебные осмотры, все же это не помогало сократить заболеваемость.

Часто проводились собрания, на которых члены партии нам пытались внушить, что надо работать еще быстрее и еще лучше, чтобы перевыполнить пятилетний план. Когда некоторые рабочие говорили, что нормы слишком высокие, зарплату неправильно насчитывают и по воскресеньям заставляют работать, эти возражения не учитывали и собрание тут же закрывали. Так начальство умело обойти требования рабочих и выжимать из них последние силы для выполнения пятилетнего плана.

Иногда после собраний рабочие давали концерты самодеятельности. Тогда прыгали и скакали "казачок" так, что пол гудел. Однажды я пошла на концерт самодеятельности в школу, где представляли сами учащиеся.

В ДОЛГУ ПЕРЕД СОВЕТСКОЙ ВЛАСТЬЮ

Для меня было большим сюрпризом, когда сообщили, что мы остались в долгу перед колхозом, где мы осенью работали на молотьбе. Мы якобы слишком мало работали и слишком много ели. Мы стали возражать, но это не приняли во внимание и каждый месяц высчитывали из нашей зарплаты за "обеды". Мы работали там день и ночь, не получая ни денег, ни продуктов, кроме жалкого питания три раза в день, и еще остались должны. В Советском Союзе рабочий получает только десятую часть своих заработанных денег. Остальная часть зарплаты уходит чекистам и партийным начальникам.

Приходя с работы домой, я иногда еще вязала или писала письма на родину, откуда сейчас получала известия довольно часто. Так проходили короткие зимние дни.

Однажды меня ждал радостный сюрприз: я получила письмо из Лиепаи. Его написала какая-то женщина, бывшая в побеге вместе с моим отцом. Она писала, что случайно узнала мой адрес и адрес отца. Отец находится в каторжном лагере в Карело-Финской автономной республике и работает на строительстве Беломоро-Балтийского канала. Это мне показалось невероятным, ибо, как мне писали из Риги, отец находился за границей, и я так все время и думала. Угнетала мысль, что и отец находится в страшном лагере для рабов. Написала ему по данному адресу. Думала, что не разрешат из лагеря переписываться, поэтому ответа и не ждала. Большая была радость, когда получила первое письмо от отца. Так радостно было видеть и читать знакомый почерк. Это письмо я перечитывала бесчисленное количество раз, пока не выучила его содержание наизусть. Еще больше радости было, когда письма стали приходить чаще. Отец подробно описывал, где и как провел все это время, пока мы в разлуке, и где наши родственники и знакомые. Каждый день теперь был полон новым, радостным ожиданием получить снова милое письмо. Отец писал интересные письма, которые я постараюсь сохранить, чтобы я могла в будущие годы их перечитывать и вспоминать минуты счастья и в Сибири.

ЗИМНИМ ВЕЧЕРОМ

Обычно, приходя домой с работы, я шла к реке за водой. Бочка для воды была на десять ведер, так что приходилось идти с двумя ведрами пять раз. Река от нас находилась на расстоянии в 350 метров. Берега Оби у Колпашова были очень крутые. Летом на берег можно было подняться по ступеням, вырубленным в крутой скале, а зимой по большой проезжей дороге. Прорубь сначала находилась близко от берега, позднее лед стал таким толстым, что стало трудно в нем прорубать отверстия. Особенно вечерами, после работы, проезжая дорога была полна людей, шедших за водой с ведрами или с бочками на салазках. Для организаций воду возили на лошадях. На реке было несколько прорубей для воды и для полоскания белья. Удивительно было наблюдать, как русские женщины даже в самый большой мороз шли на реку полоскать белье.

Иногда в светлые лунные вечера я ходила за водой немного позже, чтобы насладиться видом, который тут открывался. Сибирские лунные ночи такие светлые, каких в Латвии не бывало. Особенно светлыми они бывают в сильный мороз, когда снег хрустит под ногами. Стоя у проруби, находившейся на значительном расстоянии от берега, можно было видеть сверкавший огнями Колпашов и слышать музыку из громкоговорителя. Откуда-то издалека доносился скрип полозьев – это ехал какой-нибудь запоздавший лесник или везли воз с сеном с отдаленных лугов. Иногда мороз был такой сильный, что воздух был полон белого тумана, так что и луну нельзя было ясно разглядеть. Холодный воздух перехватывал дыхание, и в глазах стояли слезы. Я зачерпывала воду и шла медленно с коромыслом на плечах наверх на берег. Иногда навстречу шел какой-нибудь запоздалый водонос. По дороге домой вода в ведрах покрывалась тонкой ледяной коркой.

ТЮРЬМА

Я работала недалеко от большой тюрьмы. Каждый раз мы могли видеть, кого приводили и уводили. Тюрьма располагалась в большом трехэтажном деревянном здании. Вместо окон наверху можно было видеть узкие косые щели. Вокруг тюрьмы был высокий забор с широкими воротами. На заборе было устроено несколько наблюдательных будок – постов. Во дворе было много и других зданий. Рядом с тюремными воротами находилось небольшое окошко, через которое передавали продукты для заключенных. Каждый день у окошка стояли длинные очереди посетителей с корзинками и пакетами. Даже в большой мороз очередь не была меньше.

Зимой заключенных гнали за триста километров пешком в Томск, летом перевозили специальными пароходами. Колпашовская тюрьма была пересыльной. Зимой, когда часто бушевали метели, ослабевшим заключенным пройти триста километров было большим мучением.

В последнее время были арестованы почти все латышские юноши, которые жили со своими матерями, ибо во время высылки они были еще несовершеннолетними. Они были ложно обвинены в каком-нибудь политическом преступлении, как будто они собирались вместе, читали, пели латышские патриотические песни и критиковали коммунистический строй. Позже выяснилось, что в одном месте, где жило несколько латышских семей, вечерами пели народные песни и вспоминали Латвию. Какой-то шпик подслушал и сообщил соответствующим органам. Печально было сознавать, что среди латышей были шпики, которые здесь, в Сибири, предавали своих соотечественников, выдавая агентам ЧК для истязаний.

Но нередко люди, которых избрало ЧК, чтобы завербовать шпиками, отвергали эти предложения. За ними после этого следили, даже арестовывали и отправляли в каторжные лагеря. Нам всем здесь нужно было остерегаться друг друга. Если иногда собирались вместе, то говорили вполголоса, ибо бывали случаи, когда за окнами подслушивали.

В ГОСТЯХ У СЕСТЕР

В начале апреля я получила две недели отпуска, которые я задумала использовать, чтобы навестить моих сестер в детском доме в Круглово, находившемся в 45 километрах от Колпашова. К счастью, у меня оказались две попутчицы — латышские девушки, которые жили в десяти километрах от Колпашова. Мы вышли с восходом солнца. Сначала путь шел вверх по Оби, вдоль берега. Дальше нужно было идти низкими лугами и степью. Через каких-нибудь десять километров мы прошли через небольшую деревню. И снова долго не было видно ни людей, ни жилья. После обеда мы подошли к маленькой деревушке из нескольких хижин, построенных на самой вершине холма и ярко выделявшихся на горизонте. Дальше дорога вилась через равнину, только кое-где вдалеке виднелись группки деревьев и кустов.

Когда наступили сумерки, мы вошли в небольшую деревню, окруженную лесом и болотами. В последнем доме жили латыши, у которых я переночевала. Когда зимнее утро занялось над тайгой, я пустилась в десятикилометровую дорогу до Круглово. Утро было пасмурное, позднее стало мести. Мне предстояло перейти большое болото, где многие плутали в метель. Когда я думала об этом, становилось нехорошо на душе. Метель усиливалась, и дорогу стало не видно. Казалось, что я бреду по бескрайней степи, покрытой большими снежными сугробами. Направление указывали воткнутые в землю по краю дороги еловые ветки. Если бы их не было, то нечего было бы и думать идти вперед: каждый следующий шаг уводил бы дальше в сторону от дороги. Ноги выше колен утопали в рыхлом снегу.

Ветер дул в лицо, и глаза почти невозможно было открыть. Ходьба стала очень затруднительной. Скоро я почувствовала, что обе мои пятки натерты. Ноги стали очень чувствительными и болели. Временами я останавливалась, поворачивала спину ветру и отдыхала. Но долго так стоять не могла, ибо была мокрой от пота и начинала зябнуть.

Обрадовалась, когда вдали уже можно было заметить

конец болота, за которым поднималась деревня Круглово. Недалеко от края болота я настигла возы с сеном, ехавшие впереди меня. В метель я не заметила следов саней.

Когда я вошла в деревню, метель стала уже утихать. Пройдя через эту небольшую деревню, на другом конце ее заметила большой двор, окруженный забором. Во дворе было несколько одноэтажных деревянных домов. Поняла, что это и был детский дом.

Из первого дома выбежало несколько детей. Я внимательно вглядывалась, не увижу ли среди них своих сестричек. И на самом деле, из дома вышла Маечка. Остановилась недалеко от дверей. Держа руки в карманах, головку наклонив набок, она ногой ударяла какой-то кусочек льда. Она выглядела чем-то озабоченной.

Я крикнула: "Маечка!", но она не расслышала. Я подумала: может, это вовсе не Маечка, позвала еще раз, тогда она подняла головку и стала внимательно смотреть в мою сторону, вероятно, не узнавая. Я сказала: "Маечка, ты меня не узнаешь?" Тогда она радостно вскрикнула и побежала. Она была одета в короткое пальтишко, на голове шапка-ушанка (волосы были отрезаны), на ногах ватные "бурки" (сшитые из материи в виде сапог), и на них надеты резиновые галоши.

Пока мы разговаривали, нас окружила большая толпа маленьких любопытных сирот. Маечка побежала позвать Дзидру, и скоро обе прибежали. Дзидра сильно вытянулась, но выглядела лучше, чем когда я ее видела в последний раз. На ней была ватная фуфайка и юбка, на голове ушанка, на ногах валенки. Маечка выглядела более румяной, чем Дзидра.

Это снова была радостная встреча после долгой разлуки. Я чувствовала, что те три года, что мы не виделись, меня сильно от них отчуждили, но это все же не помешало радости нашего свидания. Чтобы поговорить без свидетелей, мы пошли в какой-то дом, где жили добрые, сердобольные русские. Мы уселись в маленькой комнатке и поговорили обо всем, что за это время произошло. За исключением не-

которых событий было немного новостей, ибо жизнь здесь отличалась своей монотонностью.

Я подбодрила своих сестер, говоря, что латышских сирот из детских домов весной обязательно повезут на родину. Такие слухи тогда были в Колпашове, что позднее свершилось. Через какое-то время стала собираться в обратную дорогу, ибо боялась, что не попаду до ночи домой, а здесь негде было переночевать. Сестры проводили меня до ворот деревни, где мы и простились. Оглянулась назад. Они все еще стояли и махали мне на прощанье.

Дорога назад была намного легче. Метель прекратилась, ветер дул в спину. За это время никто не проходил, не проезжал, так что пришлось снова брести через большие сугробы, не видя впереди никаких следов. Какой приятной была бы дорога через лес! А здесь редкие деревья и кусты были как островки посреди большого озера, за ними начиналось болото.

Сумерки уже спустились над болотом, когда я наконец вышла на лесную дорогу и достигла своего ночлега. С утра отправилась в дорогу в Колпашов. Стало не по себе думать, что впереди еще сорокакилометровый путь, который придется пройти на этот раз в одиночестве, без попутчиков. Ноги были сильно стерты, поэтому я хотела поскорее идти, ибо, чем дольше ноги отдыхают, тем труднее снова начинать дорогу. Когда я уже прошла хороший кусок дороги, ноги привыкли и боль уже не чувствовалась.

День был солнечный и теплый. Чем ближе был Колпашов, тем лучше становилось на душе. По дороге я ни разу не отдыхала, ибо боялась, что снова появится острая боль в натертых ногах.

Недалеко от Колпашова я догнала подводы с сеном и дровами. К подводам были привязаны большие кадушки с крышками из березовой коры, в которых было молоко. Зимой на базаре продавали молоко и творог, чаще всего замороженные в круглые болванки. Смотря на Колпашов с противоположного берега, можно было видеть оживленное движение по льду. Дорога через реку была наезженной —

как черная полоса от лошадиного навоза и пучков сена, падавших с возов. Солнышко светило, снег начал уже кое-где подтаивать. Пришла домой с мокрыми ногами и мокрой спиной.

КРАСНЫЙ МАЙСКИЙ ПРАЗДНИК В КОЛПАШОВЕ

Первого мая на работе устроили вечер с едой и развлечениями. Демонстрации и шествия здесь не устраивались. Вечер состоялся в самой большой в Колпашове столовой. Помещение было нетопленым, и мы сидели в верхней одежде. Только позднее стало теплей. В простом помещении накрыли несколько столов, где в глиняной мисочке каждому положили праздничное угощение: винегрет на подсолнечном масле, два пирожка, ломтик белого хлеба, сухарик и несколько печений. Кроме того, на каждого было по поллитра браги – напитка, похожего на самогон. Кто хотел браги еще, ее можно было купить в буфете.

Сначала все вели себя довольно прилично, но позднее постепенно разбуянились. Многие принесли с собой спирт, который подливали в брагу. От этой смеси все очень быстро опьянели. И меня заставили выпить полстакана этой смеси, после чего я почувствовала опьянение.

Позднее пришел какой-то слепой аккордеонист и начал играть вальсы и русские плясовые. Начались танцы, ничего похожего на них я никогда не видела и, вероятно, не увижу. Танцоры были настолько пьяны, что, покружившись несколько шагов, падали, вставали и, покружившись снова, падали опять. Многие сваливались друг на друга, их тут же сташнивало, и, перепачканные (облеванные), они выкрикивали какие-то несвязные слова, снова пробовали танцевать и снова оказывались на полу.

За столами было не лучше. Там ели и пили, пока все не шло обратно. Разбивали посуду, бутылки, начинались драки. Одежда у всех была вся перепачканная, грязная. Если это были люди, то чем же они отличались от животных – скота?

С каждой минутой веселье становилось все более буйным, пили безо всякой меры. Начальство позабыло о своей важности и вело себя еще хуже, чем рабочие. Безумие, которое тут происходило, невозможно даже описать. Этот вечер был похож на дикую оргию. Так заканчивались все вечера, которые русские называли "вечеринками". Когда оргии становились особенно дикими, я уходила домой. На дворе многие валялись в снегу и дрались.

По дороге домой мы проходили мимо других мест, где тоже отмечали майский праздник. Там тоже было не лучше, чем на нашем вечере. Таким было празднование Первого Мая у русских в Сибири.

ВЕСНА 1946 ГОДА

Наступила весна. На этот раз, казалось, она будет радостнее, чем предыдущие, ибо шли слухи, что этой весной всех латышей отпустят домой, ибо исполняется пять лет нашему пребыванию в Сибири. Еще достовернее звучали слухи, что сирот из детских домов повезут домой. Как бы там ни было, настроение казалось более бодрым. Снова с большим нетерпением ждали прихода первых пароходов. В сибирских реках ледоход начинается примерно после первого мая, часто даже позднее. Только в начале июня русло реки окончательно освобождается от зимней спячки, вынося огромные ледяные горы в океан. Одновременно с ледоходом начинается навигация. Только лед уходит, за ним следует весь торговый флот: несколько пароходов, баржи и плоты везут людям Севера необходимые товары. Часто весной бывали большие наводнения, которые затопляли береговой пригород.

На берегу началось оживленное движение. Из колхозов съехались лодки с колхозниками, которые привезли для продажи картофель, овощи и муку. Люди в лодках плыли по реке, где еще плавали отдельные льдины, крюками вылавливали из воды плывшие бревна, выволакивали их на берег и обрабатывали. В особенно солнечные дни берег кишел людьми.

Приплыло много маленьких буксиров, их тут мыли и чистили. Вода отсвечивала всеми цветами радуги от пролитого машинного масла. Иногда с берега невозможно было зачерпнуть воды, нужно было забираться на приставшие к берегу бревна или буксирчики, или моторные лодки.

Так в один солнечный вечер подошел белый пароход "Александр Невский" (корабль нашего счастья, как потом оказалось). Это был самый большой, самый красивый и самый быстроходный пароход на Оби. Собралось много встречающих, которые приветственно махали подплывающему кораблю. Когда пароход причалил, машины заглохли, опустили трапы, и пассажиры сошли на берег. Затем грузчики выгрузили багаж и груз.

В погожие весенние и летние вечера на пристани и на берегу было много людей. На пристани пассажиры ожидали пароходы, они тут же спали и ели. Многие там находились неделями в ожидании нужного парохода. Здесь ночевали также бродяги, у которых не было своего убежища.

Тех гудков белых пароходов, особенно весенних, я никогда не смогу забыть. Еще и сейчас они у меня звучат в ушах, и всегда будут звучать... Чаще всего корабли приходили вечером и уходили ночью. Лежа в кровати, я могла это отчетливо слышать, ибо мы жили в трехстах метрах от пристани.

Движение на Оби поддерживали восемь белых пароходов. Внимательно прислушавшись, я могла уже отличить гудки каждого парохода. Ночами мы держали окно открытым, и в комнатке было светло от лунного света. Из радиоусилителя доносилась музыка Чайковского. Была какая-то затаенная радость в ожидании приятных неожиданных вестей. Разве только мое предчувствие меня на этот раз не обманет.

СЕСТРЫ ПО ДОРОГЕ НА РОДИНУ

Проснувшись утром, мы увидели, что вся земля оделась в белый наряд, ночью выпал снег. Это казалось большим чудом, ибо еще вечером мы ходили одетые по-весеннему. Се-

годня было шестое мая. Мы уже радовались, что в этом году будет сухая весна, так как все уже просохло, а теперь снова, когда растает снег, будет грязь. Придя домой в обеденный перерыв, застала Дзидру, которая сообщила мне радостную весть: ее и Майю посылают в Латвию. Казалось прямо невозможным поверить, что это могло когда-нибудь исполниться!

Они приехали на пароходе "Александр Невский", который сейчас ушел в Матянгу за углем. Маечка с воспитательницей осталась на пароходе. Тяжело было себе представить, что мне одной придется тут оставаться, поэтому мы с госпожой К. пошли поговорить с нашим комендантом, не могла бы и я поехать вместе с сестрами. Но никакие разговоры не помогли. Комендант меня не отпустил. Сейчас из детских домов в Латвию везут только детей. Может быть, счастье улыбнется и нам, остальным?

Проводили Дзидру на пароход, который уже подошел. Она поднялась на борт, и пароход скоро отплыл. Дзидра очень радовалась, что ее мучения и унижения наконец кончатся, но ей было и жаль, что мне тут придется оставаться одной. Маечку я не видела, так как меня на пароход не пустили. Мы послали с Дзидрой на родину свои приветы родным и знакомым.

Долго мы махали вслед отплывающему пароходу, который увозил моих сестер навстречу светлому будущему. Я долго стояла на берегу, пока пароход не исчез вдали, за поворотом реки. Не хотелось идти домой, было так невыразимо грустно и тяжело... У меня было ощущение выкинутого на одинокий остров человека, живущего невыразимыми надеждами в ожидании какого-нибудь корабля, который бы выручил из этого безвыходного положения.

ЗНАКОМСТВО С НЕМЦАМИ С ПОВОЛЖЬЯ

Так как в вязальном цехе не было больше работы, то его закрыли и нас всех перевели учениками в швейный цех.

Это было очень невыгодно, ибо теперь нужно было работать три месяца за маленькую зарплату ученика (150 рублей), но в другом месте найти работу не было надежды. Теперь собралось столько учеников, что для всех даже помещений не хватало. Наш цех поэтому разделили на две смены: с 6 до 3 вечера и с 3 до 11 ночи.

Работать в помещении приходилось мало, ибо, когда снег растаял, нас посылали на разные работы. Послали нас с подводой в садоводство "Пихтовник", откуда нужно было привезти кленовые ветки. Садоводство находилось в большом саду. Здесь росли не какие-то особенные растения, а помидоры и огурцы.

Так как двор цеха не имел забора, то двор нужно было обсадить привезенными ветками. Мы вырывали ямки и сажали в них ветки. Некоторые ветки не имели ни одного листочка, но их все же нужно было посадить. Потом мы унесли со двора на дорогу лишнюю землю и засыпали выезженные в дороге ямы, таким образом как-то сровняв дорогу. Затем надо было вырыть ров вокруг двора, чтобы вода не заливала в дождь.

Однажды сообщили, что нам надо на три недели ехать в лес на заготовку дров. Это было уже совсем неприятно, ибо все это время мы не сможем получать письма и вести из дома. Я привыкла с радостным нетерпением ожидать их и получать. В это время я надеялась получить новую весть от сестер о том, как они добрались домой.

Нас разделили по бригадам, в каждой по двадцать человек. Я попала в первую группу, после нашего возвращения из леса туда должна была отправиться следующая бригада. Накануне нам выдали хлеба на тринадцать дней, остальной обещали прислать позднее. С утра мы собрались во дворе цеха, откуда вместе отправились в путь. До лесного барака, где нам предстояло разместиться, было десять километров. Мы прошли через пригород. Здесь находилось небольшое предприятие, где делали всякие мелочи, детские игрушки, их клеили из старой бумаги и жестяных пуговиц. Дальше находились картофельные поля, а за ними лес.

На опушке леса были построены небольшие землянки, где жили сосланные поволжские немцы. Таких землянок тут было около тридцати, немцы сами построили. Почти каждая из землянок отличалась своим видом. В маленьких окошках были видны белые занавесочки. Кое-где у домиков были сделаны клумбы в виде всяких орнаментов из шишек и одуванчиков. Даже тут можно было заметить немецкую чистоту и заботу, хотя немцы здесь уже жили долгие годы, и это поколение родилось в России. Часть из них тут жила хорошо, а часть – в большой нужде, уж как кто сумел устроиться.

В лесу дорога была широкая, и шагать было хорошо. В полдень мы дошли до небольшого пруда, за ним дорога сворачивала к бараку, который был уже виден с большой дороги. Барак – длинное здание, построенное из нетесаных бревен, с покатой дощатой крышей и маленькими окошечками. На каждой стороне вдоль стен находились большие двухэтажные нары, посередине – длинный стол. Все, естественно, было некрашеным и примитивным. В одной стороне барака находились плита и жестяная печка. Здесь был и сторож. В отдельной комнате находился лесной бригадир, который всех определял на работу и записывал, сколько каждый выработал.

Несколько дней мы укладывали поленницы дров, которые опрокинулись за зиму от снега и бурь. Больше всего тут было березовых и осиновых дров. Когда мы уложили поленницы, нам дали пилы и топоры, которые оказались настолько тупыми, что, работая, мы тратили много лишнего времени и сил.

Бригадир завел нас глубоко в лес, где нас разделили по парам и указали каждой паре участок для заготовки дров. Каждая пара должна была заготовить четыре кубометра дров в день. Нужно было свалить деревья, обрубить ветви и верхушку, распилить ствол на куски, расколоть на поленья и уложить в поленницу. Если попадались прямые толстые деревья без ветвей, тогда, работая с раннего утра до позднего вечера, можно было норму выполнить.

БОРЬБА С ТАРАКАНАМИ

Работа в лесу была нелегкой. Усталые, вечером шли к бараку, который теперь находился в трех километрах от выделенного нам участка. В бараке на плите кипятили воду, которую мы пили, прикусывая хлебом. Часто были такими усталыми, что даже есть не хотелось. В бараке завелось много больших тараканов, которые ночью нас донимали. С потолка они падали на лицо, залезали под одежду, ползали по всему телу. Мы зажигали спички и прогоняли их, но, лишь ложились, чтобы уснуть, война начиналась снова. Спанье было ужасным. За три недели мы совершенно ослабели, не имея возможности выспаться и отдохнуть после тяжелого рабочего дня. С утра мы вставали с горячими головами, невыспавшиеся, измученные. На тяжелых ногах мы плелись на свою вырубку. Благодаря свежему лесному воздуху сонливость улетучивалась, и мы чувствовали себя лучше. За день, проведенный в лесу, нам платили только половину дневной платы, так что в конце за всю проделанную работу мы получили лишь маленькую сумму денег.

По прошествии тринадцати дней мы стали ждать, когда нам привезут хлеба. Не дождавшись, отправились в Колпашов, где получили хлеб на продолжительное время.

В один воскресный красивый солнечный день мы выпросили у бригадира разрешение отдохнуть. Бригадир был хороший человек. Он часто рассказывал нам интересные истории и приключения на войне. Он был участником Великой Отечественной войны (так русские называют Вторую мировую войну). Он нас отвез в красивое место в лесу, где протекал небольшой ручей. На берегу ручья я нашла фиалки, которые здесь были светло-фиолетового цвета и сладко пахли. Казалось, что они совсем не подходили к тайге. Кое-где я находила и грибы. Березы мне напоминали Латвию. Эта непроходимая тайга, сколько в ней было ценных материалов! Сколько деревьев, отживших свой век, тут же упало и сгнило! Люди рассказывали, что в этих больших лесах до революции прятались многие революционеры.

Так прошли три недели, и нам надо возвращаться в Колпашов. Дома я долго терла лицо и руки песком и водой, чтобы очистить их от древесной смолы.

СОБИРАЯСЬ В ДОРОГУ

Вернувшись из леса, дома я нашла письма с родины и от отца. После работы в лесу я работала в цехе, училась шить, но мысли мои были о другом. В лесу я чувствовала себя лучше, чем здесь, в помещении. Из окон мастерской можно было видеть широкую Обь. Когда мимо проплывали белые пароходы, у меня было такое чувство, что скоро и я отправлюсь с ними в дорогу. Иногда бывало так радостно смотреть на пароходы, что я бросала работу и выходила на крыльцо, чтобы лучше их видеть. Пароходные гудки звучали для меня как зовы, предвещающие мне неизвестную дорогу...

Мое предчувствие скоро исполнилось. Однажды днем около полудня каждому из нас указали во дворе выделенный клочок земли для посадки картошки. Как бы зная все заранее, я сказала, что мне земля не нужна.

Через какое-то время ко мне прибежала госпожа К. и сказала, что пришло разрешение ехать мне в Латвию. Казалось невероятным, что мои тихие надежды и предчувствия так скоро исполнятся. Как во сне, я побежала в местный совет, где был отдел снабжения сирот. Там две интеллигентного вида пожилые русские женщины познакомили меня с правилами поездки. Через два дня, мол, придет пароход, на котором мы поедем до Томска (в Колпашов пароходы приходили примерно три раза в неделю). Они сказали, чтобы я урегулировала отношения по месту работы. Они выписали мне справку, на основании которой меня должны отпустить с работы. До Томска нас будет сопровождать работница отдела снабжения.

Пошла на работу, где мне оформили документы, выдали по расчету полагающиеся деньги и талоны на хлеб и продукты. По этим талонам можно будет во всех городах получать

хлеб. Попрощалась с товарищами по работе и собралась в дорогу. Не могла спокойно сидеть на месте, часто бегала на пристань узнавать о прибытии парохода. Часто шла на берег Оби смотреть, не идет ли пароход. Завернула свои вещички в мешок и ждала. Некоторые латыши дали мне с собой пакетики с орехами и письма, которые мне нужно было передать родственникам в Латвии. Пошла попрощаться с земляками, у которых не было такого счастья, как у меня.

Незадолго до моего отъезда снова был арестован целый ряд латышей, в их числе и те, с которыми я была вместе на Былине. Позже я слышала, что их отправили в каторжные лагеря.

До прихода моего парохода пришлось ждать четыре дня. Наконец однажды утром прозвучал громкий гудок. Так как у меня все уже было упаковано для отъезда, я взяла свой мешочек и побежала на пристань. И верно, белый пароход приблизился к берегу и пришвартовался. Так как пришел он с опозданием, на пристани было уже много людей. С парохода сошли пассажиры, и все собрались в маленьком сквернике у пристани, где их ожидали близкие. Люди приходили и уходили с большими тюками. Только с трудом нам удалось протиснуться через толпу к входу, где мы встретили нашу представительницу Веру Михайловну. Она уже купила нам билеты. Билеты мы покупали за свои деньги – третьего класса. Толкались вверх по лестнице вместе с другими. И госпожа К. пришла меня проводить. Нам с билетами третьего класса нужно было обосноваться в коридоре, ибо на пароходе другого помещения для третьего класса не было. Было нас три латышские девушки, отправлявшиеся этим пароходом. Людей все прибывало, пока все не заполнилось людьми. Пароход подал сигнал, втащили сходни, и он медленно отошел от берега.

Пароход поплыл в Томск. Когда мы покинули колпашовский берег, сердце счастливо задрожало. Действительно, наконец, осуществилась моя великая мечта! Мы на прощание махали стоявшим на берегу латышам, которые приходили попрощаться с нами. Среди них и моя большая добро-

желательница госпожа К., чьи светлый образ и улыбка останутся для меня навсегда милым, незабываемым воспоминанием. Она была нашим добрым духом, ибо никто из латышей так много не помогал другим, как она. Очень многим, которые оказывались в безвыходном положении, она протягивала руку помощи! Среди них была и я. Я думаю, что в глазах многих ее человеческий облик остался незабываемым.

ПО ДОРОГЕ В ОМСК

Из Колпашова выехали 27 мая 1946 года на пароходе "Александр Невский", который увозил домой и моих сестер. До Томска нам надо было ехать двое суток – триста километров. Оставшиеся на берегу латыши жалобно смотрели нам вслед, вытирая платочками слезы на глазах. Как же у них болела душа, когда они видели нас, счастливых, возвращающихся в Латвию! Когда-то еще им всем придет черед вернуться на свою родину...

Быстро мы удалялись от Колпашова. Как только мы завернули за речной поворот, он сразу пропал из вида. Многие ехали без билетов и ловко уворачивались от билетеров. Мы сидели тесно на наших вещичках около поленниц с дровами, там мы и переночевали. Только опустились сумерки, как пошел сильный дождь. Сверкали молнии, и гремел гром. Всю ночь лило, не переставая. Среди ночи нас несколько раз тревожили грузчики, которые брали дрова с поленниц и кидали их в топку. Грузчиками работали и женщины, они были высокого роста и носили широкие штаны, как мужчины. Несколько женщин работало также и истопниками.

Рано утром пароход причалил у большого села Могочин. Здесь было много людей – отъезжающих и провожающих. Некоторые пришли продавать пассажирам свои продукты. Ведра и канны были полны коричневым топленым молоком, которое пассажиры быстро раскупили. Это большое село считалось зажиточным, продукты здесь можно было купить дешевле.

На другом конце парохода ехало несколько латышских детей из других детских домов. Мы питались взятым с собой хлебом и иногда съедали по тарелке супа, который можно было недорого купить в ресторане на пароходе.

Днем мы находились наверху на палубе, осмотрели все помещения. Каюты первого класса были красиво обставлены. Салон был большой и красивый, с мягкой мебелью и полированными столами, большими пальмами и роялем, на котором, правда, никто не играл.

Сидели на скамейках, откуда можно было далеко обозревать широкую Обь и ее берега. Пойма Оби была широкой, но русло преграждали многие острова с низкими берегами. Местами берега поднимались высоко над водой. Чем ближе мы подъезжали к Томску, тем красивей становились берега. Чудесно было сидеть на солнышке и любоваться окрестностями.

Этой ночью решили не спать, а остаться на палубе. Мне было любопытно, как выглядят берега Оби ночью. Зажглись звезды, и месяц вылез из тайника, река лежала в темноте. Корабль скользил, оставляя за собой широкую темную борозду светящейся пены. Под утро поднялся легкий туман, как бы качавшийся над Обью.

На пароходе кончились запасы дров, поэтому он пристал к лесной деревне, чтобы запастись топливом. На берегу лежали длинные поленницы дров, которые грузчики быстро погрузили на корабль. Тогда он продолжил свой путь. Ночь прошла, на востоке уже стало светлеть небо. Заря здесь была другой, чем в степи. Эта красивая ночь, проведенная на Оби, останется в памяти. Около полудня вдали уже можно было разглядеть Томск, расположившийся как бы в заливе, образованном поворотом реки. Подплыв поближе, можно было увидеть небольшую пристань с причаленными к ней несколькими буксирами. Дальше на берегу поднималась уже большая пристань.

Пароход стал. В Томске прибытие парохода не было таким большим событием, как в Колпашове. Там нас примерно треть всех пассажиров сошла на берег, остальные ехали

дальше в Новосибирск, Барнаул и Бияку. В Томске мы нашу представительницу уже не видели, ибо она уже успела от нас улизнуть.

В ТОМСКЕ

С помощью местных жителей нашли нужное нам учреждение. Здесь начальницей была пожилая симпатичная русская женщина, которая сообщила нам нужные сведения о нашей дальнейшей поездке. Оказалось, что в Томске должны собрать столько детей, чтобы набрался целый вагон, и только тогда отправят нас дальше. Те, которые сюда были уже раньше привезены, еще ждут, в их числе и мои сестры. В Латвию уже уехало триста детей с Красноярского края. Мы – вторая партия. Здесь нас пока поместят в детский дом, где имелись свободные помещения.

Сначала нас отвезли в дезинфекционную баню, где нас и наши вещи облили зловонной жидкостью. Начальница нас всех записала и хотела отвезти в детский дом. Мне она сказала, что я смогу устроиться вместе с сестрами в другом детском доме. Она написала записку начальнице этого детского дома и послала со мной провожатую. Она зашла к начальнице, которая не очень захотела меня принять, но все же указала мне комнату, где поместиться.

Отворив дверь, я увидела своих сестер. Было так радостно снова всем встретиться и вместе продолжить путь на родину. Указанная комната была небольшой, с пятью кроватями. На двух спали сестры, а на остальных – другие латышские дети. На ночь мы обе кровати сдвинули вместе и спали на них втроем. Здесь мы могли чувствовать себя свободно.

На большом дворе стояло два дома. В доме побольше были детские спальни, столовая и др., а в меньшем, где мы находились, в соседней комнате была кухня и еще несколько спален. Кормили нас тут относительно хорошо.

На следующий день к нам пришла наша представительница из Риги – Штенгмане. Сначала сюда ехало несколько

представителей, но, испугавшись длинной дороги и других трудностей, они остались в Москве. Представительница была весьма энергична и приветлива, выдала нам белье, мыло и еще кое-что.

Однажды в красивый июньский вечер представительница всех нас повела в кино. Кинотеатр находился на главной улице и был самым большим в Томске. Это было просторное помещение с возвышением для оркестра в одном углу. Здесь перед началом вечерних сеансов играл оркестр и происходили танцы. В зале на стенах висели различные портреты и лозунги. Были здесь фотографии из новейших фильмов. Публики на дневном сеансе было мало. Мы пошли в буфет, где представительница купила нам мороженое и лимонад. Мы смотрели кинофильм "Сыновья", который нам на большое удивление был озвучен на латышском языке. Зачем тут стали показывать фильм на латышском языке? Он был пропагандистского содержания. Насколько я помню, в нем также пели латышскую колыбельную песню "Спите, усните, медвежата".

В ТОМСКОМ КАТОРЖНОМ ЛАГЕРЕ

Вдалеке за пригородами, у горизонта, было видно большое, длинное здание – это был один из томских каторжных лагерей. В более отдаленных местах там есть еще много таких лагерей. Однажды вечером, внимательно вглядываясь в сторону лагеря, я увидела, как по дороге в направлении к лагерю движется большая толпа людей. Это, вероятно, были заключенные, каторжане, возвращавшиеся вечером с работы. Рано по утрам я видела их, идущими на работу.

Мне захотелось увидеть их изблизи, и это мне удалось. Ранним солнечным утром, в шесть часов, я шла в магазин за хлебом, так как в это время там не было длинных очередей, как днем. Вышла на улицу, порадовалась пригожему утру. В магазине без очереди получила хлеб и пошла по мосту через канал в сторону детдома. Недалеко от него встретила длин-

ное шествие, медленно двигавшееся к Томску. Это были заключенные из лагеря, примерно около четырехсот человек. Конвоиры шли впереди и прогоняли всех прохожих с мостовой на тротуары, поближе к домам. Впереди и позади колонны ехали верховые конвоиры на лошадях. За наездниками шел целый ряд охранников с автоматами, поднятыми наготове – на случай, если кто вздумает бежать. По бокам шествия шли охранники с большими собаками, образовывая замкнутую цепь. На заключенных мужчинах была черная одежда, на женщинах – разных цветов. У каждого на спине был номер. Некоторые выглядели хорошо, но другие были очень изможденными, с исхудалыми желтыми лицами. Эти, вероятно, уже долгое время находились в заключении. Им не разрешали разговаривать между собой, но многие уже научились разговаривать, лишь двигая губами. Их вели через Томск на какие-то работы, где их в основном использовали на строительстве дорог, прокладывании каналов и тому подобном. Заключенные для государства были самой дешевой рабочей силой. Сколько же среди них было латышей?

Кажется, ни в одной стране не было столько каторжных лагерей, как в СССР, где в страданиях погибли тысячи человеческих жизней. Ни в одной стране не было столько детских приютов, как в России. В этих приютах росли дети людей, замученных в тюрьмах и в каторжных лагерях. Можно сказать, что сиротских приютов было столько же, сколько тюрем. Когда в 1937 году в России проходили большая чистка антикоммунистических элементов и аресты, когда арестовывали миллионы людей, тогда и детские приюты были переполнены. Приюты были и еще сейчас находятся в самом жалком положении. Не говоря уже о голоде, нехватке одежды, тут свирепствовали болезни в размерах эпидемий, ибо не было обученных врачей и медикаментов, чтобы ограничить распространение болезней. Особо распространенными болезнями были трахома, рахит, туберкулез и чесотка. Большинство детей из приютов оказались непригодными для жизни из-за физической и психической неполноценности.

НАБЛЮДЕНИЯ В ТОМСКЕ ДО ОТЪЕЗДА

В Томске была большая базарная площадь, каждый день переполненная людьми. Здесь торговали как новыми, так и старыми вещами. На краю площади, у забора, стояли будки, в которых находились продуктовые магазины, буфеты, сапожные мастерские, фотографии, промтоварные магазины, парикмахерские. На базар съезжались торговки с колясками, продававшие еще горячие русские пироги. На торговых столах можно было найти и купить все что угодно. Мороженое было везде, даже по углам улиц. В киосках по углам улиц продавали излюбленный русский напиток "морс", изготовленный из клюквенного сока и сахарина. Он был весьма дешевый.

Часто можно было видеть калек и инвалидов, игравших на гармошках, зарабатывающих себе на жизнь подаяниями прохожих.

Наша представительница хотела, чтобы мы все были вместе, так ей легче было за нами смотреть, поэтому нас перевели в тот детский дом, где находились все остальные латышские дети. Нам было очень жаль оставлять наше теперешнее жилище, откуда открывался такой чудесный вид на окрестности, и перебраться на новое место. В этом детском доме, где нам следовало разместиться, находились глухонемые дети. Это было большое двухэтажное здание. Нас поместили в две комнаты, в одной были мальчики, в другой – девочки. Нам пришлось спать в зале, где стоял рояль. Большие девочки по очереди должны были каждый день мыть помещения, чтобы было чисто, ибо мы спали на полу. Нас водили также в баню.

Детский дом находился на окраине города, недалеко от университета. Неподалеку проходила железная дорога. Часто мы ходили на базарчик тут поблизости. В одно красивое воскресенье мы пошли на спортивные состязания. В них участвовали студенты-легкоатлеты. Проходили соревнования по бегу, прыжкам в высоту и длину. Играл духовой оркестр.

Наша жизнь в детском доме была хорошей и шумной.

Так как все дети здесь были глухонемые, то они ничего не знали о нашей шумной жизни. Вечерами мы ходили прогуливаться по озелененным местам. Здесь был просторный парк с большими старыми деревьями. Особенно много тут было берез. Была танцевальная площадка, и играл оркестр. Вход на танцплощадку был платный. Люди были весьма хорошо одеты. Скоро ли наступит время, когда и мы сможем тоже наслаждаться тем, чем наслаждается эта молодежь?

Однажды нас послали на летнюю дачу детского дома – подсобное хозяйство – полоть огород. Это было в четырех километрах от Томска. Придя туда, были очень разочарованы, ибо летнюю дачу мы представляли себе иначе, чем простую хижину, построенную из некрашеных круглых бревен. Здесь в летние месяцы находились глухонемые дети. Дом окружало большое обработанное поле, где росли картофель и овощи, которые нам нужно было выполоть. Они сильно заросли сорняками, и у нас не было никакого желания ковыряться в запущенном огороде. Мы поработали до обеда, пообедали и пошли домой. Дома мы получили выговор, но мы этого уже не боялись, ибо каждый день ждали отъезда. Пришел праздник Лиго. Вечер Лиго мы провели вместе с нашей представительницей, пели песни и обсуждали предстоящий переезд на родину.

Наконец пришло известие, что наш вагон готов и на следующий вечер его прицепят к Томско-Новосибирскому составу. Мы были в восторге. Все время у нас было дорожное настроение, но долгое ожидание притупило нашу радость. Трудно было знать, какое распоряжение выйдет на следующий день. Может быть, наш отъезд задержат вообще. Но когда мы узнали, что это действительно наш последний день в Томске, все очень заволновались. Многие дети здесь ждали уже два месяца. За время нашего пребывания в Томске нас часто навещали томские латыши. В связи с отъездом заведующая детским домом распорядилась выдать нам праздничный ужин, состоявший из винегрета, русского пирога и гарниров.

Оборванным детям выдали из склада ГорОНО одежду,

чтобы не было впечатления, что нам тут было плохо. Перед отъездом нас навестила начальница снабжения томских сирот, та самая, которая нас записывала, когда мы приехали в Томск. Один латышский мальчик от имени всех благодарил ее за заботу во время нашего пребывания в Томске. Она в свою очередь благодарила нас и просила написать ей, как мы доехали. Под вечер нас усадили в грузовик. На вокзал надо было ехать через весь Томск. Вскоре мы достигли вокзала Томск-1, где стояли длинные товарные составы. В переднем составе находился и наш вагон. Это был товарный вагон со встроенными трехэтажными спальными нарами. Нам пришлось спать на полу, ибо нары все уже были заняты. В вагон были уже привезены ящики с хлебом, печеньем и консервами.

Кроме нас, в Ригу ехало еще одиннадцать русских женщин, которые заняли большое пространство. Нам же было очень тесно, ибо в одном вагоне нас было более восьмидесяти человек. Поздно вечером пришли контролеры и проверили списки едущих и нет ли кого-нибудь без разрешения. Всю ночь и еще следующий день простояли в Томске. Только на другой день вечером паровоз засвистел. Мы поехали.

ПО ДОРОГЕ НА РОДИНУ

Томск – Новосибирск – Омск – Петропавловск – Свердловск – Казань – Москва – Великие Луки – Резекне – Рига. 28 июня 1946 года вечером выехали из Томска, где провели целый месяц, о котором можно с удовольствием вспоминать. Было такое радостное волнение, ибо предстоял еще такой далекий путь.

Какой мы увидим Латвию и как она изменилась за эти годы? Уж не разочаруемся ли мы, что с такой великой радостью едем домой? Ожидает ли нас там то, чего мы здесь все время надеялись увидеть?

Хотя в дороге пришлось переносить всякие неудобства и трудности, это были мелочи по отношению к нашему радо-

стному настроению. Так как нас было много человек в небольшом вагоне, то двери мы держали день и ночь открытыми. Двери до середины были ограждены заборчиком, чтобы дети поменьше не выпали. Днем мы стояли у дверей и смотрели на проплывающие мимо пейзажи. Из-за тесноты ночью трудно было спать, но часто из-за усталости и однообразного покачивания мы засыпали. Часто же, когда я не могла заснуть, то стояла с подругой у дверей вагона и смотрела на отражения светлой ночи. Так как наш вагон был втиснут в середину товарного состава, мы продвигались вперед очень медленно. Часто в больших городах приходилось ждать, пока рассортируют вагоны. Мы оказались в дороге дольше, чем наша представительница рассчитывала, поэтому стало недоставать продуктов. Большим неудобством явилось то, что наш товарный поезд всегда останавливался на товарных станциях. И если мы хотели что-нибудь купить, то нужно было пройти большое расстояние по шпалам, чтобы добраться до главной станции.

Приехали в Новосибирск. Снова после долгого времени мы увидели трамваи и автобусы. Виднелись большие здания, заметно было движение большого города. Через несколько часов стоянки мы отправились дальше. Небольшие станции и города мы проезжали не останавливаясь, а в больших делали остановку. По дороге из Томска до Новосибирска нигде не видели ни домов, ни деревень. Была только тайга, кое-где мелкие кустарники или луга.

На пути до Омска видели много каторжных лагерей. Были построены длинные бараки, обнесенные заборами из колючей проволоки. Это напомнило нам страшный 1941 год.

После Новосибирска мы проехали Омск. Он расположен в огромной равнине, где почти нет лесов. Омск – промышленный город на Иртыше. Издалека город оставляет мрачное впечатление. За Омском виднелись большие холмы, между которыми извивается Иртыш. Представительница рассказывала, что в Омск еще до революции ехали жить латыши, кто добровольно, а кто по принуждению, в ссылку. Многие и сейчас там живут.

Дальнейший путь из Омска до Петропавловска проходил через необозримую степь, только местами кое-где росли мелкие кустики. В продолжении нескольких дней мы не видели ни одного человека, ни одного дома, ни одной приметы присутствия здесь людей. Красивыми были степные утренние и вечерние зори. Здесь виден был горизонт, ибо его не заслоняли ни деревья, ни дома.

Поздно вечером мы приехали в Петропавловск, наш вагон окружили хулиганы. Они камнями выбили стекла и кидали камни в стены вагона. Так побуянив какое-то время, они оставили нас в покое и пропали.

По мере приближения к Свердловску равнина постепенно становилась все более холмистой. Окрестности Свердловска находятся выше над уровнем моря, чем предыдущие места, но все же они равнинные. Свердловск – самый большой промышленный центр Урала. Он расположен в красивом месте, заросшем сосновым лесом. Поздно вечером въехали в Свердловск. Остановились рядом с зарешеченным эшелоном. Мы не могли выяснить, откуда идет этот эшелон с заключенными, он с таким же успехом мог быть из Латвии или из какой-либо другой страны. Вооруженные чекисты охраняли вагоны и через короткие промежутки времени ударяли палкой по стене и по полу вагона. На конце палки был прикреплен набалдашник, сделанный из связанных в тугой узел тряпок. Ударяли, чтобы убедиться, не выломана ли какая-нибудь доска, не собирается ли кто-нибудь сбежать. Эти равномерные удары продолжались всю ночь.

Через какое-то время из одного вагона раздался шум. Можно было различить обрывистые выкрики и стоны, потом открылись двери и раздался шум ударяющихся ведер: людей вели за водой. Так как двери вагона находились с другой стороны, то самих людей мы не видели.

В вагонах для охраны, которые находились в начале и в конце эшелона, раздались веселые, разухабистые звуки гармони. Это было странным контрастом с теми вагонами, где измученные люди с ужасом ожидали свое будущее.

Эти знакомые зрелище и звуки напомнили нам наш пол-

ный отчаяния путь в Сибирь в 1941 году. Неужели никогда не кончится это ужасное преследование людей, ссылки в жуткие сибирские степи? Неужели эти человеческие мучения останутся неотомщенными?

Проснувшись утром, мы больше не увидели тот зарешеченный эшелон. Он уехал в направлении Сибири, где сосланных уже ожидали бараки под охраной. За ночь мы приблизились к свердловской товарной станции. Пошли в город в поисках продуктов. Чтобы попасть в город, нужно было пройти через длинный высокий мост, проложенный через все железнодорожные пути. Узкий мост был рассчитан для пешеходов и заканчивался в привокзальном парке. Вокзал был большой и находился ниже уровня платформы. В здании вокзала была большая зала для ожидания и буфет, полный людей. Получив в станционном магазине хлеб, мы вернулись к нашему вагону, который оказался отцепленным от состава и стоял отдельно в стороне. Было ясно, что нам предстоит долгое ожидание. Наша представительница пошла к начальнику станции напомнить о нашем существовании и необходимости срочного отправления. Чтобы мы поскорее достигли цели, ей пришлось это делать на каждой станции.

Поздно вечером, находясь у свердловской товарной станции, мы пережили неприятное происшествие. У нас была маленькая лестница, помогавшая легче спуститься из вагона на землю. Когда мы принесли воду, за нами в вагон по лесенке поднялись два подозрительного вида типа и с фонариком осмотрели вагон, но, не найдя ничего достойного для себя, ушли. Ночью мы уехали из Свердловска.

НА УРАЛЕ

Уральские горы поражают дикой красотой своих лесов и горных лугов, где трава доходит до пояса. Местами Урал каменистый. Речные долины населены, на берегах видны дома и огороды. Во многих местах на Урале была лишь одноколейная железная дорога, в тех местах мы подолгу стояли

в ожидании встречных поездов. Тогда мы могли выйти из вагона и прогуляться по лесным опушкам. Здесь росла крупная лесная земляника.

Дальше по дороге мы проехали через два длинных тунеля. Проезжая через Урал по бывшей Вятской губернии, можно было видеть много бараков, в которых находились заключенные еще в дореволюционные времена. Можно было разглядеть, что лагеря не пустовали: у бараков были люди. Вокруг бараков был воздвигнут высокий забор из колючей проволоки, около которого ходила вооруженная охрана. Окна были зарешечены. Некоторые бараки выглядели пустыми, окна и двери открыты, людей и охраны поблизости не видно. Ведь заключенных часто переводили из одного лагеря в другой. Жутко наблюдать за этими бесчисленными бараками, о которых мы слышали столько страшных вещей и в которых замучили и уничтожили тысячи латышей, эстонцев и литовцев.

КАЗАНЬ

Переехав через Каму – приток Волги, – мы приехали в Казань, бывшую столицу татарского царства. Издалека было видно, как на солнце блестят нетронутые купола церквей. В Казани поезд стоял всего несколько часов, и мы успели осмотреть базарчик у вокзала. Здесь царила большая грязь, как у татар заведено. На базаре торговали различными товарами, начиная со съестного и кончая старыми вещами. Здесь стояли в ряд котлы с супом, который варили по-разному. Чтобы похлебка не остывала, котел накрывали грязными тряпками. Рядом с котлом стояла тарелка и ложка, чтобы похлебку можно было тут же есть. Чаще всего можно было встретить суп из домашних макарон. Татарки продавали различные печености из муки, картошки и других продуктов. В основном тут звучала татарская речь. Пополнив свои запасы продуктов и воды для дальнейшего пути, мы вернулись к поезду и через недолгое время двинулись в дальнейший путь.

Вскоре за Казанью переехали железнодорожный мост через Волгу, которая тут была весьма широка. Недалеко от Москвы поезд остановился у небольшой станции. Тут были холмы белого песка и росли сосны, что напоминало наше взморье. С ближайшей колонки у железной дороги мы принесли воду и помыли вагон. Сами тоже помылись. Наломали березовых веток, которыми украсили вагон.

В МОСКВЕ

Вечером 11 июля мы приехали в Москву и остановились где-то на отшибе, у товарной станции. Поезд медленно продвигался вперед, останавливался и снова двигался. Несколько вагонов отцепили, на их место прицепляли другие, и, так переформируясь, поезд подъезжал все ближе к центру города. Сейчас мы находились у товарной станции, бывшей побольше.

Снова пошли за водой, мыли опять полы и чистили вагон, так как наша представительница сказала, что нас навестит комиссия. Тут нас навестили латышские "представители" в Москве. К путям подъехала легковая автомашина, откуда вышла "товарищ Лузе", одна из представительниц, которая привезла первую группу детей из Красноярска. Мы были рады, что она не была нашей ведущей, ибо выглядела очень несимпатично. Настоящий тип коммуниста: широкоплечая, с широким лицом, коротко обрезанными волосами, в который был воткнут большой блестящий медный гребень.

Она не захотела с нами разговаривать, только сказала, чтобы мы шли к машине за продуктами, привезенными для нас. Продукты были американского производства: сгущенное молоко, разные мясные консервы, печенье и другие вкусные вещи. Это было для нас большим подспорьем, ибо наши продукты уже кончились. Нам обещали привезти также и одежду, но ее мы так никогда и не увидели.

Пришли еще и другие представители, которые едва осмотрели наш вагон и ушли. Через несколько часов мы пере-

двинулись еще дальше. Здесь сходились вместе многие путевые узлы: можно было заблудиться, пока найдешь свой вагон. Теперь мы находились вблизи пассажирского поезда. Пошли к ближайшему магазину, где удалось еще прикупить хлеба. Представительница снова говорила с начальником станции, чтобы нас не очень тут задерживали. Он обещал нам паровоз лишь к следующему утру.

Ночь мы провели в Москве. Я пошла спать поздно. Откуда-то издалека до нас доносились звуки музыки. Очень хотелось поскорее уже добраться до дома.

С утра, проснувшись, мы увидели, что находимся снова в другом месте. Сейчас мы были в самом центре города, откуда можно было видеть московские башни. Кое-кто из нас пошли смотреть Москву, хотя это было очень рискованно, ибо поезд мог скоро отправиться. Далеко мы не пошли, ибо боялись остаться тут. Шли по московским бульварам, видели красивые насаждения, площади и памятники, правительственные здания. Вернувшись, мы увидели, что рядом с нашим поездом стоит эшелон с ссыльными, который охраняли чекисты. У этих вагонов на окнах не было решеток, поэтому мы могли ясно разглядеть лица людей, смотревших из окон. Они были в мундирах немецкой армии, с сорванными погонами и знаками различия, почти все были интеллигентного вида, разговаривали между собой по-немецки. В сопровождении охраны они шли за водой. После блестящих побед, о которых знал весь мир, их, униженных, сейчас везли в отдаленные места Сибири, где их уже ожидали жуткие тюрьмы и каторжные лагеря. В полдень эшелон с немецкими пленными уехал в Азию, а мы отправились в Европу. Выехав из Москвы, мы проезжали мимо московского канала, который тоже был выстроен на крови и трупах заключенных. Поздно вечером приехали в Великие Луки, где остались на ночь. Этот город был полностью разрушен, и здание вокзала было уничтожено. На его месте была построена дощатая будка.

В ЛАТВИИ

После полудня мы уже достигли территории Латвии. Проехали через Зилупе. Какой милой предстала снова эта земля, с ее полями, лесами, лугами, пашнями и городами! Все прижались к окнам и дверям, чтобы ничего не пропустить. Мы смотрели на латышскую землю, как на дорогую, давно не виданную и теперь, через много лет, снова найденную драгоценность. Неужели эта земля – наследие наших предков, куда мы можем вернуться, но все же будем чувствовать себя здесь чужими? Мимо проплывали латгальские пейзажи. К вечеру приехали в Резекне. Резекненский вокзал сгорел, поэтому помещение вокзала было в другом здании. Недалеко от станции была баня, и мы пошли туда помыться.

Мы счастливо достигли Латвии. Никаких болезней в нашем вагоне не было обнаружено, за исключением нескольких случаев чесотки. Потом мы пошли бродить по базарной площади, которая была тут поблизости. Тут можно было получить всякие печения и прохладительные напитки. В киоске купили латышские газеты. В садике станции мы увидели довольно большую группу людей. Оказалось, что это были латышские легионеры, которых отпустили из плена домой. От некогда крепких, здоровых людей остались лишь бледные тени. Поношенные, вылинявшие лохмотья шинелей немецкой армии были надеты на них. Лица были опухшими, обросшими бородой. У многих все тело и ноги опухли так, что они с трудом могли передвигаться. У одного ноги гноились, и он, вероятно, совсем не мог ходить, лежал и стонал. С приходивших поездов многие латыши давали им что-нибудь съестное, ибо они были голодны. И мы им отдали свои кусочки сахара. Они ехали из Тбилиси, где после капитуляции оказались в окружении. Многие заболевали горячкой и умирали.

Так, только въехав в Латвию, мы уже увидели измученные латышские лица. Вечером пришел приказ, что из товарного вагона нам надо пересесть в пассажирский поезд Москва – Рига. Казалось, что эта пересадка была снова пропагандистским трюком, чтобы показать, что мы приехали не в

скотском, а в пассажирском поезде. Собрали свои вещи и направились к указанному нам поезду, где для нас был приготовлен специальный вагон. Сев в пассажирский вагон и устроившись, мы почувствовали себя прекрасно. Если бы всю дальнюю дорогу ехать в таком вагоне, мы бы чувствовали себя совсем по-другому. Поспать нам не удалось, ибо в соседнем вагоне ехали русские офицеры, которые играли на аккордеоне и громко пели. Рано утром выехали из Резекне. Почти все красивые здания вокзалов до самой Риги были разрушены, лежали лишь кучи обломков. Во многих местах мы видели нанесенные войной разрушения. Латвия снова пострадала от военной бури, и сейчас перед нашими глазами открывалась картина этой разрухи. На станции Плявиняс мы увидели зарешеченный поезд с заключенными, который, вероятно, ждал паровоза. Тут снова были несчастные человеческие жертвы, которым предстоял полный муки дальний путь в сибирские лагеря. Неужели действительно никогда не кончатся это преследование людей и ссылки? Мы свое наказание отбыли, возвращаемся на родину, теперь высылают других, которым предстоит перенести то же самое, что пережили мы. Многие из них никогда не вернутся. Это были первые наблюдения в Латвии, и они вернули нас от мечтаний к действительности.

Заканчивая эти свои воспоминания, хочу добавить строчки из стихотворения Скалбе, которое сохранилось у нашей нянюшки:

Много мучений должна была вынести
Ты, моя маленькая родина.

Большинство из нас по-детски представляло себе, что Латвия лишь с небольшими изменениями будет такой же, как раньше. Мы думали, что найдем ее такой же, какой мы ее оставляли пять лет назад.

14 июля 1946 года мы приехали в нашу столицу Ригу. Тут нас встретили представители детского дома, которые на

автобусе отвезли нас в дезинфекционную баню, а затем в карантин. Прошло как раз пять лет и один месяц с 14 июня 1941 года, как мы находились на чужбине, вдали от родины.

Если бы я дождалась того времени, когда власть коммунистов кончится, я бы попыталась отомстить им зверским образом. Я бы не остановилась перед возможностью, чтобы могла мучить их и убивать. Я хотела бы отомстить за пережитые нами муки, глубокие унижения, за всю нашу сломанную, разрушенную жизнь, за смерть мамы и бабушки, за наше разрушенное здоровье, за дорогие молодые годы, проведенные в сибирской тайге, за те многие невинные жизни, загубленные в мрачной сибирской земле. Достаточно вспомнить 1941 год – и голос крови зовет к отмщению.

И месть придет – раньше или позже. Когда я перечитываю эти сибирские воспоминания и углубляюсь в них, меня охватывает такая невыразимая ненависть к нашим мучителям-палачам, что я дрожу от жажды мести. Так будет себя чувствовать каждый латыш, у которого в груди еще горит огонь патриотизма. О, скорей бы пришел час отмщения!

Я пишу 13 октября 1950 года – в день, когда меня снова, уже во второй раз, хотят отправить в Сибирь. Если мне на этот раз улыбнется счастье и я смогу остаться здесь, на родине, то я никогда не смогу позабыть этот день – 13 октября. Он останется в моей памяти как пылающее оружие в моей борьбе против коммунизма. Но если меня все же отвезут, то я хотела бы, чтобы эти мной записанные воспоминания прочитали многие другие. Пусть эти сибирские воспоминания останутся призывом всем тем, кто хотел бы вести такую борьбу, какой я себе ее представляю.

* * *

О последующих событиях жизни моей дочки Руточки расскажу я, ее отец. Я переписал ее заметки буквально, с написанных ею листочков, немного сокращая места, где она описывает природу Сибири, города и впечатления от них. Я

считал, самое важное — это ознакомить друзей и соотечественников за рубежом, которые живы и спаслись от преследований коммунистических подлецов, с историей ее страданий.

Как видно из записок Руты, сироты вернулись из Сибири в июле 1946 года. Я в то время еще находился в Карелии, в Медвежегорском каторжном лагере. Осенью того же года мне дали задание перестроить лесопилку и обещали по окончании работы отпустить домой. Я уже переписывался с Рутой и знал, что они, все три сестрички, приехали в Латвию. Дзидра находится в бикерниекском санатории, Маечку из детского дома забрала жена священника, госпожа Б., и Маечка ходит в бикерниекскую лесную школу (школа для больных туберкулезом), где госпожа Б. работает учительницей. Рута находится в деревне в доме моего двоюродного брата, в Цесисском районе. (Двоюродный брат тоже был на каторге, под Москвой — на угольных шахтах.) Я закончил перестройку лесопилки в конце октября, и в самом деле меня со всей моей бригадой отпустили на родину. Я понял, что в Ригу ехать опасно, и приехал к Руте (на хутор Мерсенские Острова). Поезд пришел на станцию Лоде около пяти часов вечера, и я пошел на Острова. На Островах я зашел на кухню, где хозяйничала двоюродная сестра Аустра, и на мои громкие приветствия из комнаты вышла моя Руточка. Первое впечатление было, что она будто пополнела.

Через какое-то время, немного оправившись, я достал одежду и поехал в Ригу навестить Дзидру в бикерниекском санатории и Маечку в лесной школе. В бикерниекском санатории нашел Дзидру, оказавшуюся меньше ростом, чем я себе представлял. Затем мы пошли с ней в находившуюся по соседству лесную школу. Там вызвали маленькую Маечку, которая оказалась весьма кругленькой, хотя и маленькой. После первой встречи с детьми я стал искать работу. После мелких переживаний я поступил на работу в один промкомбинат Баусского района, где мне вскоре выделили квартиру, и Рута и Дзидра переехали жить ко мне. Рута работала в конторе промкомбината, а Дзидра хозяйничала, она должна бы-

ла ездить в Ригу на газовое лечение своих легких. Маечка жила у приемной матери, госпожи Б., в Риге, а лето у нас, в Бауске.

Так с 1947 года до января 1950 года мы жили весьма спокойно. Рута работала и ходила в вечернюю школу, но осенью 1949 года, как результат невылеченного плеврита в Сибири, у нее появились признаки заболевания туберкулезом, и ей пришлось два месяца провести в санатории в Тервете. Больше в то время в санатории не держали, ибо надо было освобождать места для русских, у которых не было своих санаториев. Позднее, летом, она была в Берзонском санатории в Добеле, затем дома и ходила на газовое лечение своих легких в баусскую больницу.

В это время стали собирать и посылать обратно в Сибирь привезенных сирот. Чекисты выследили Руту и однажды днем в октябре 1950 года пришли к ней и сказали, что она должна ехать с ними в Елгаву, но Рута схватила ножницы и с ними напала на чекиста. Второй чекист стоял в углу, он заслонил ей доступ к топору, стоявшему там, в углу. Как Рута рассказала, если бы она добралась до топора, она хотя бы одному подлецу рассекла голову. Но чекисты обезоружили Руту. Когда я вернулся с работы, чекисты рассказали, что Рута на них напала, и потребовали, чтобы я с ней ехал с ними в Елгаву. Рута сказала громко, что она никуда не поедет. Чекист подумал и сказал, что тогда он передаст дело в Ригу, и они ушли. Через несколько недель меня вызвали в Баусский ЧК. Меня допрашивали и спрашивали, как это я могу быть здесь, тогда как я сослан в Сибирь. Я отвечал, что я был не в Сибири, а в Карелии. Так значит я из Сибири сбежал в Карелию, ибо у них ведь есть "документ", содержание которого мне прочитали. Какой-то старший лейтенант Николаев сообщает, что он арестовал меня 14 июня 1941 года и отправил в Сибирь. Чекист растерялся и пошел к начальству. Через минуту вернувшись, он извинился, что меня потревожил. Было ясно, что сообщат в Ригу, и по получении ответа нам предстоит полный боли тяжелый путь в Сибирь.

Так и было. Через несколько недель, 21 января, меня с

двумя моими дочками забрали и отвезли в пересылочную тюрьму в Ригу. Там уже была арестованная Маечка. Так начался трудный путь через пересылочную тюрьму в Сибирь. Для Руты он был уже роковым, ибо прекратили газировку легких. Путь до томской тюрьмы длился четыре недели. В арестантский вагон "Стольпинка", где место было на двенадцать человек, загнали тридцать арестованных.

Самая большая пересыльная тюрьма была в Москве, через которую пропускают около 5000 арестованных в день. В каждой тюрьме начинали с проверки в какой-нибудь холодной прихожей, затем вели в баню. Хорошо, если после бани приводили в отопленное помещение. Мы захватили с собой и немногие свои вещи, которые всегда надо было изловчиться второпях перенести на новое место. Кругом были жадные глаза, и каждая невнимательность могла дорого обойтись. Если повезет, то не поместят в камеру с ворами, но моим девочкам пришлось несколько раз находиться вместе с воровками.

В томской тюрьме, хотя в старом здании были плохие, негигиеничные камеры, по крайней мере не надо было находиться вместе с ворами. Примерно через три недели нас переслали в Туган, примерно в пятидесяти километрах от Томска, и оттуда дальше, в Курюкину, на изготовление досок для тары.

Состояние Руты заметно ухудшилось. Поблизости не было никакой медицинской помощи. Какой-то медпункт, с одной лишь медсестрой, находился в двадцати семи километрах, и попасть туда зимой можно было только пешком или на санях, так что у Руты такой возможности не было.

Лишь к весне, когда стали приходить грузовые машины за заготовленными досками, Рута попала к медицинской сестре, которая дала ей направление в Томск. Но как туда попасть?

В середине мая нас перевезли в Томск, заставив самих купить билеты! Из Томска пароходом в Колпашов, где мои дочери жили раньше. В Колпашове была довольно большая туберкулезная больница, и туда поместили Руту.

Больницы сибирских окраин не соответствуют нашему представлению о больницах. В то время, в 1951 году, в Советском Союзе не было эффективных средств лечения туберкулеза. Когда стал появляться стрептомицин, его было так мало, что его выдавали только партийным боссам.

В течение двух лет Рута несколько раз лежала в этой больнице. Питание там было плохим и очень однообразным. Из Риги госпожа З. при содействии госпожи Б. присылала нам некоторые противотуберкулезные средства, нередко американские, что позволило Руте выжить. Она говорила, что, вероятно, из тех больных туберкулезом, не партийных, а с которыми она лежала вместе в больнице, уже никого в живых не осталось.

Меня снова арестовали в мае 1953 года. Маечка заболела нефритом (болезнь почек), и единственной кормилицей осталась инвалид Дзидра, которая с разрешения коменданта перешла на работу в швейную артель. Ее заработка не хватало на троих, так что питание ухудшилось, и вместе с тем — и состояние здоровья Руты.

Когда в 1956 году я вернулся из каторжного лагеря, я нашел Руту уже настолько ослабевшей, что она не могла пройти и полкилометра. Недалеко от нашего дома жила одна эстонка, медицинская сестра, которая делала Руте уколы. Руту я возил к ней на санках. Друзья прислали произведенное в Америке ПАС и другие лекарства, применение которых приостановило дальнейшее развитие болезни. Друзья присылали много всяких лекарств, но, к большому сожалению, к присланным лекарствам не были приложены инструкции, в каких случаях и как их принимать. Советские врачи этих лекарств не знали, и они оставались неиспользованными, хотя могли бы очень помочь.

Дорогу назад на родину летом 1956 года перенести было очень тяжело. После приезда в Ригу Руту с помощью доктора Б. немедленно приняли в туберкулезную больницу на улице Пернавас. Появились надежды, что доктор Б. в своем отделении добьется улучшения здоровья Руты. Сначала все как будто пошло хорошо, но вмешался директор больницы,

который велел перевести Руту в другой дом, для тяжелобольных. Сам переход в другой дом зимой, когда ей самой пришлось нести свои вещички, при температуре тела сорок градусов, усилил горячку. Врач отделения, коммунистка, убеждала Руту, что заграничные лекарства ничего особенного не представляют, и так как Рута уже долгое время принимает заграничные ПАС и римифон, ее организм к ним уже привык, и поэтому они больше не оказывают действия, их прием нужно прекратить. Руточка послушала эту коммунистку. Без этих препаратов туберкулез стремительно распространился в оба легких, и 23 апреля 1957 года, в день св. Юргиса, Рута умерла.

И снова к теням дорогих, умерших смертью мучеников, прибавилась еще одна молодая жизнь, которой суждено было пройти долгий, полный муки путь и умереть, хотя так еще хотелось жить...

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5
1941 год 7
Наш арест на Рижском взморье. 7
Лихорадочная спешка в Риге 9
В охраняемых чекистами вагонах 9
По дороге в Сибирь 11
На барже по Оби 16
Нас превращают в ненужный груз 19
Все горестнее становится наша песня 20
В колхозе Чигас 21
Живем у русских 23
Жизнь в хлевушке и забота о хлебе насущном 26
Зима в колхозе 29
Судьба двух поколений колхозников 30
Смерть бабушки 32
Отчаяние вынуждает маму и сестер собираться в дорогу . . 33
Агитбригада и встреча с нищей 35
Труд подростков в тайге 36
В Парабели 36
По дороге на Былин. 39
На Былине 41
Строительство барака 42
В лес за березовой корой 45

Работа в лесу в окружении комаров 46
Предупреждения советского рабочего надзирателя. 47
Дохлая лошадь и трапеза на берегу 48
Поездка по ягоды 48
Поездка за орехами 49
Дорога на Былин по Оби 52
За брусникой 54
На лодке до Былина 56
Все принадлежит советскому "народу" и ничего самому. . .57
Зима на Былине 58
Водянка, голодная смерть и отчаяние 60
Строительство ледника 62
Кулак помогает отвоевать хлебный паек 63
Моя болезнь 64
По дороге в Колпашов. 66
В Колпашове. 68
Нас запрягают вместо лошадей 70
Весна 1945 года в Колпашове 71
Эвакуированные актеры 72
Малярия 73
Осень 74
Этап заключенных 75
Без выходных дней 76
Весна и лето 1945 года 76
Осень 1945 года. 79
На осенних работах в колхозе. 80
Дешевая рабочая сила 81
На помощь татарам 84
Счастлив тот, у кого корова или коза 86
На новой квартире. 87
Колпашовский кинотеатр. 88
Зима 1946 года в Колпашове 88
В долгу перед советской властью 90
Зимним вечером 91

Тюрьма 92
В гостях у сестер 93
Красный майский праздник в Колпашове 96
Весна 1946 года 97
Сестры по дороге на родину 98
Знакомство с немцами с Поволжья 99
Борьба с тараканами 102
Собираясь в дорогу 103
По дороге в Омск 105
В Томске 107
В томском каторжном лагере 108
Наблюдения в Томске до отъезда 110
По дороге на родину 112
На Урале 115
Казань 116
В Москве 117
В Латвии 119